ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

И. С. НИКИТИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Ѳ. Е. Сивицкаго.

Съ портретомъ И. Никитина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и фототипія В. И. Штейна, М. Морская, № 20.
1893.

Дозволено цензурою. Спб., 5 Января 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ:

1) Сочиненія И. С. Никитина съ біографіей, составленной М. Ѳ. Де-Пуле. Изд. К. К. Шамова, М. 1886 г.
2) Біографическія данныя о Никитинѣ, ст. Нордштейна, «Отеч. Записки» 1854 г. № 6.
3) «Воронежская Бесѣда» 1861 г.
4) «Кольцовъ и Никитинъ», ст. Ставрина, «Дѣло» 1874 г. № 3.
5) Статья академ. Я. К. Грота о «Кулакѣ» въ «Извѣстіяхъ II-го Отд. Академіи Наукъ» 1858 г.
6) «Н. И. Второвъ», ст. Де-Пуле въ «Русск. Архивѣ» 1877 г.
7) *Пыпинъ*. Характеристики литер. мнѣній.
8) *Скабичевскій*. «Исторія новѣйшей русской литературы» и др.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя поэта-мѣщанина Никитина занимаетъ скромное, но замѣтное мѣсто въ нашей литературѣ. Правда, это мѣсто еще не вполнѣ опредѣлено—произведенія Никитина и до сихъ поръ не нашли себѣ надлежащей оцѣнки—но поэтическія достоинства ихъ признаны уже несомнѣнно, и нѣкоторыя изъ его стихотвореній по справедливости поставлены на ряду съ лучшими произведеніями нашей литературы.

Первыя стихотворенія Никитина появились въ печати въ началѣ 50-хъ годовъ и были встрѣчены съ общимъ сочувствіемъ и интересомъ: воронежскаго «поэта-дворника» привѣтствовали какъ преемника безвременно угасшаго А. В. Кольцова, его земляка, имѣвшаго много общаго съ Никитинымъ по своему происхожденію и судьбѣ. Это доставило громкій успѣхъ первымъ произведеніямъ Никитина и, нужно сказать, успѣхъ незаслуженный: такія стихотворенія, какъ «Русь», «Война за вѣру» и др., хотя и носили уже признаки таланта, но ни по содержанію, ни по формѣ ничего еще оригинальнаго не представляли и были только подражаніями другимъ поэтамъ; истинное дарованіе Никитина окрѣпло и выразилось позже. Но въ ту пору сильнаго патріотическаго возбужденія, которое охватило наше общество въ началѣ Крымской войны, эти стихотворенія не могли не производить впечатлѣніе; оно усилилось еще болѣе,

какъ повѣствованіе человѣка, близко стоявшаго къ Никитину, грѣшитъ однако односторонностью и мѣстами видимымъ пристрастіемъ къ поэту, на котораго авторъ, какъ и другіе члены кружка Второва, смотрѣли въ нѣкоторомъ родѣ какъ на свое дѣтище. Другимъ важнымъ источникомъ для біографіи Никитина служатъ его произведенія, въ которыхъ разсѣяно много автобіографическихъ данныхъ.

I.

Темный періодъ жизни.

Среда.—Отецъ и мать.—Дѣтскіе годы.—Духовное училище и семинарія.—Семинарское образованіе.—Вліяніе литературы.—Страсть къ стихамъ.—Характеръ Никитина.—Семейная катастрофа и выходъ изъ семинаріи.—Тяжелые годы жизни. — Отношенія къ отцу.—Никитинъ-дворникъ.—Дружба.—Робкое выступленіе на литературное поприще.—Первые успѣхи.

Никитинъ вышелъ изъ той-же мѣщанско-купеческой среды г. Воронежа, къ которой принадлежалъ и его даровитый предшественникъ А. В. Кольцовъ. Въ этомъ царствѣ торговли и наживы, темнаго невѣжества и грубыхъ нравовъ повидимому нѣтъ мѣста для какихъ либо другихъ болѣе благородныхъ стремленій, и переходъ отсюда въ чистую область творчества и мысли представляется особенно труднымъ. Только избранныя натуры путемъ тяжелой борьбы, въ которой надламываются силы и растрачиваются лучшія чувства, могутъ сохранить въ себѣ и вынесть на свѣтъ «искру божію» таланта. Это—своего рода подвигъ, по большей части невидный и непонятный другимъ, но настолько-же высокій, насколько и трудный. Въ этомъ отношеніи исторія жизни Никитина представляетъ много поучительнаго; лучшимъ эпиграфомъ къ ней могутъ служить слова самого поэта:

> Горекъ жребій мой суровый,
> И много силъ я схоронилъ,
> Пока дорогу жизни новой
> Средь зла и грязи проложилъ.

Отецъ Никитина, Савва Евтихіевичъ (или просто: Евтѣичъ, *какъ его обыкновенно* звали), не принадлежалъ къ «столпамъ»

воронежскаго купечества, хотя въ началѣ имѣлъ весьма значительное состояніе. Онъ происходилъ изъ духовнаго сословія, но почему то вышелъ изъ него, перемѣнилъ свою фамилію (прежде назывался Кирилловымъ) и приписался къ мѣщанамъ. Въ Воронежѣ Никитинъ имѣлъ собственный заводъ восковыхъ свѣчъ, домъ и лавку на бойкомъ торговомъ мѣстѣ. Большой притокъ богомольцевъ, собиравшихся въ тѣ годы на поклоненіе воронежскимъ святынямъ, дѣлалъ торговлю восковыми свѣчами очень оживленной; кромѣ того большія партіи свѣчъ Никитинъ разсылалъ по донскимъ и украинскимъ ярмаркамъ, такъ что торговые обороты его доходили тысячъ до ста въ годъ на ассигнаціи. Это состояніе, нажитое благодаря уму и торговой изворотливости Никитина, скоро однако приходитъ въ полный упадокъ. Только дѣтскіе годы нашего поэта были окружены матеріальнымъ довольствомъ, а затѣмъ началось паденіе, нужда, тяжелая и унизительная борьба изъ-за насущнаго хлѣба. Но въ ту пору, когда родился сынъ, Никитины не могли еще пожаловаться на свою судьбу; торговыя дѣла были въ хорошемъ положеніи и домъ ихъ пользовался почетомъ среди мѣстныхъ торговцевъ.

Вѣроятно, благодаря своему духовному происхожденію, отецъ Никитина не былъ совершенно темнымъ человѣкомъ; съ природнымъ умомъ у него соединялась и нѣкоторая начитанность, въ особенности же онъ любилъ книги духовно-нравственнаго содержанія и нашихъ старинныхъ свѣтскихъ писателей. Но по характеру это былъ вполнѣ сынъ своей темной среды. Грубый и самовластный, въ молодости отличавшійся огромной силой, которой онъ наводилъ ужасъ на кулачныхъ бояхъ,—дикой, но очень популярной въ старину потѣхѣ—Савва Евтихіевичъ былъ грозой и для своей семьи. Передъ нимъ совершенно стушевывается его жена, Прасковья Ивановна, кроткое и безотвѣтное существо, находившаяся въ полномъ подчиненіи у мужа и не имѣвшая повидимому особеннаго вліянія на воспитаніе сына. Замѣчательно, что въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ, къ которому не разъ обращается Никитинъ въ своихъ стихотвореніяхъ, онъ почти ничего не говоритъ о матери.

Иванъ Саввичъ родился 21-го сентября 1824 г. Беззаботная пора дѣтства повидимому не много радостей доставила ребенку. Онъ былъ единственнымъ сыномъ и росъ почти одиноко; только двоюродная сестра Аннушка, дочь его тетки Тюриной, была по-

другой его дѣтскихъ игръ. Живой и бойкій по природѣ мальчикъ, подъ вліяніемъ одиночества, а еще болѣе подъ вліяніемъ крутого нрава отца, скоро дѣлается не по годамъ сосредоточеннымъ и нелюдимымъ. «Мечтами дѣтскими ни съ кѣмъ я не дѣлился, не зналъ веселыхъ дней, веселыхъ игръ не зналъ», говоритъ Никитинъ о своей молодости. Такія дѣти обыкновенно рано начинаютъ присматриваться къ жизни и рано задумываются надъ ней. Уже въ дѣтствѣ у мальчика начинаетъ сильно работать воображеніе. Едва выучившись читать, онъ уже до страсти предается чтенію книгъ—разумѣется безъ всякаго разбора, всего, что попадалось подъ руку; тутъ были и «Мальчикъ у ручья» Коцебу, «Луиза или подземелье Ліонскаго замка» Радклифъ, и наши старинные поэты, и книги религіозно-нравственнаго содержанія, которыя находились въ библіотечкѣ отца. Другимъ его любимымъ развлеченіемъ было убѣгать по ночамъ къ старику-сторожу, который разсказывалъ ему сказки. Но самыми отрадными минутами для ребенка-Никитина были тѣ, которыя удавалось ему проводить среди приволья природы; лѣсъ, луга, поля—вотъ что манило его въ дѣтствѣ и оставило свѣтлое, жизнерадостное чувство, такъ прекрасно вылившееся потомъ въ его стихахъ. Домъ, гдѣ жили тогда Никитины, находился въ живописной части города, расположенной на высокихъ горахъ по берегу рѣки; отсюда открывалась прекрасная панорама зарѣчной части города. Въ этой полугородской, полудеревенской обстановкѣ прошло дѣтство мальчика.

Первымъ учителемъ Никитина былъ сапожникъ, который давалъ ему уроки грамоты въ своей мастерской, тачая сапоги. Когда ребенку минуло 8 лѣтъ, его отдали въ духовное училище. Не трудно понять, почему отецъ Никитина предпочелъ сдѣлать такой выборъ; нужно вспомнить, что самъ онъ происходилъ изъ духовной среды, что съ ней кромѣ того онъ имѣлъ постоянныя сношенія и по роду своей торговли. Впрочемъ Никитинъ не имѣлъ въ виду готовить сына къ духовному званію; планы его шли дальше: со временемъ онъ хотѣлъ видѣть сына въ университетѣ въ надеждѣ, что онъ выйдетъ докторомъ. Какъ увидимъ далѣе, этимъ добрымъ намѣреніямъ не суждено было исполниться. О первыхъ годахъ школьной жизни Никитина намъ къ сожалѣнію почти ничего неизвѣстно. Но надо думать, что дореформенная *бурса съ своими* грубыми, изстари установившимися нравами,

которые такъ живо изобразилъ Помяловскій въ извѣстныхъ «Очеркахъ бурсы», была одинакова вездѣ. Какая педагогическая система практиковалась тогда въ воронежскомъ училищѣ, можно видѣть изъ одного отрывочнаго воспоминанія Никитина объ этомъ времени его жизни.

«Помню я, былъ у насъ учитель во 2-мъ классѣ училища, Алексѣй Степановичъ, коренастый, съ черными нахмуренными бровями... Вызоветъ онъ, бывало, тебя на средину класса и крикнетъ: «читай!» А изъ глазъ такъ и сверкаютъ молніи. Взглянешь на него украдкой и начнешь измѣняться въ лицѣ, въ головѣ пойдетъ путаница и все вокругъ тебя заходитъ: и ученики, и учитель, и стѣны... И понесешь такую дичь, что послѣ самому станетъ стыдно.—«Не знаешь, негодяй»! зарычитъ учитель: «къ порогу!» И начнется, бывало, жаркая баня.»

Это было альфой и омегой всей тогдашней педагогической мудрости, унаслѣдованной кажется еще отъ среднихъ вѣковъ. Только въ сравнительно недавнее время, въ началѣ 70 гг., реформа коснулась и бурсы, разрушила всю старую педагогическую систему, внесла въ нее новый духъ и нравы. Въ 1841 г., по окончаніи училища, Никитинъ былъ переведенъ въ духовную семинарію. Здѣсь для молодого человѣка начался новый періодъ жизни, непродолжительный, такъ какъ Никитинъ прошелъ только два класса, но оставившій глубокій слѣдъ на всемъ его умственномъ складѣ и развитіи. Описаніе семинарской жизни сдѣлано впослѣдствіи самимъ Никитинымъ въ его «Дневникѣ семинариста». Всѣ эти очерки проникнуты какимъ то чувствомъ горечи и недовольства, которыя авторъ вынесъ изъ семинаріи. И дѣйствительно, сѣренькая, запертая въ четырехъ стѣнахъ, съ бѣдной обстановкой и полумонастырской дисциплиной, тогдашняя жизнь въ семинаріи не могла оставить по себѣ доброй памяти. Само образованіе носило сухой и безжизненный характеръ. Лекціи обыкновенно читались профессорами (какъ тогда называли преподавателей семинаріи) по старымъ давно составленнымъ тетрадкамъ, написаннымъ темнымъ и витіеватымъ языкомъ. Нѣкоторые профессора, чтобы не трудиться надъ составленіемъ записокъ, не мудрствуя лукаво, читали по старымъ академическимъ тетрадкамъ, по которымъ учились сами. Уроки правда не оживлялись тѣми грубыми и возмутительными сценами, вродѣ вышеприведен-

ной, но за то апатія и скука царили здѣсь. Вотъ напримѣръ сцена русской исторіи изъ «Дневника семинариста»:

«Яковъ Ивановичъ читаетъ по старой почтеннаго вида тетрадкѣ, которая каждый разъ закладывается продолговатой, нарочно для этого вырѣзанной, бумажкой; мѣсто же, гдѣ ударомъ звонка было прервано чтеніе, отмѣчается слегка карандашомъ, который вытирается потомъ резиною... Начинается тихое мѣрное чтеніе. Читаетъ онъ полчаса, читаетъ часъ, порой протираетъ очки—вѣроятно глаза несчастнаго подергиваются туманомъ—и опять безъ умолку читаетъ. И нѣтъ ему никакого дѣла до окружающей его жизни, точно такъ же какъ никому изъ окружающихъ нѣтъ до него ни малѣйшей нужды. Ученики занимаются тѣмъ, что̀ имъ болѣе нравится, или что они считаютъ для себя болѣе полезнымъ. Нѣкоторые ведутъ разговоръ о взаимныхъ похожденіяхъ, нѣкоторые переписываютъ лекціи по главному предмету, а нѣкоторые сидятъ за романами. Если чей нибудь неосторожный голосъ или смѣхъ прерветъ мѣрное чтеніе почтеннаго наставника, онъ подниметъ свои вооруженные глаза на молодежь и громко скажетъ: «пожалуйста, не мѣшайте мнѣ читать»!»

Не смотря на солидность наукъ, входившихъ въ кругъ семинарскаго образованія, такое безжизненное преподаваніе не могло развивать умственныхъ интересовъ въ ученикахъ, вызвать въ нихъ пытливость и осмысленное отношеніе къ наукѣ. Зубристика преобладала. Такимъ же сухимъ и схоластическимъ характеромъ отличались и темы сочиненій, которыя задавались семинаристамъ. Вотъ напримѣръ: «Знаніе и вѣдѣніе суть ли тождественны?» или: «какимъ образомъ умъ, какъ источникъ идей, можетъ служить средствомъ къ пріобрѣтенію познаній?» Надъ такими сочиненіями молодыя головы могли изощряться только въ риторическихъ и діалектическихъ тонкостяхъ, но живой и плодотворной пищи для ума тутъ не было.

Но какъ ни безцвѣтна въ то время была жизнь въ воронежской семинаріи, у нея однако были и свои хорошія преданія. Лѣтъ за десять до поступленія Никитина среди семинаристовъ выдѣлялась прекрасная личность Серебрянскаго, который былъ другомъ Кольцова и несомнѣнно имѣлъ большое вліяніе на его талантъ. Умный, даровитый, съ поэтической душой, Серебрянскій былъ кумиромъ для молодежи; вокругъ него собирался оживленный *семинарскій кружокъ*, въ которомъ велись горячіе споры,

говорились рѣчи, читались стихи, обсуждались различные вопросы, которые волновали тогдашнее образованное общество. Имя Серебрянскаго долго пользовалось обаяніемъ въ воронежской семинаріи, и въ то время, когда поступилъ Никитинъ, еще ходили по рукамъ его рукописныя стихотворенія. Это создавало своего рода литературныя традиціи. Прежняго кружка впрочемъ не было, потому что не было человѣка такого, какъ Серебрянскій, который могъ бы оживлять его и быть центромъ, но все-таки между семинаристами было сильное увлеченіе литературой. Интересъ къ ней еще болѣе подогрѣвался той популярностью, которою окружено было въ Воронежѣ имя Кольцова, въ то время только что сошедшаго въ могилу. Съ этимъ именемъ соединялось имя его друга, Бѣлинскаго, пламенныя статьи котораго производили тогда глубокое впечатлѣніе. На развитіе семинариста Никитина эти статьи имѣли такое сильное вліяніе, что его не въ состояніи были вытравить даже послѣдующія десять лѣтъ жизни среди убійственной обстановки постоялаго двора. Можно сказать, что Никитинъ, какъ и многіе изъ его современниковъ, воспитался на статьяхъ Бѣлинскаго; онѣ открыли ему другія высшія потребности, чѣмъ тѣ, которыя онъ могъ узнать въ кругу своей семейной и семинарской жизни. Здѣсь поэтому будетъ умѣстно еще разъ напомнить о томъ значеніи, которое имѣлъ для своего времени Бѣлинскій.

Вся умственная жизнь тогдашняго русскаго общества сосредоточивалась на литературѣ. Не смотря на крайне неблагопріятныя условія, въ которыя была поставлена журналистика и и вообще литература 40 гг., въ ней происходило движеніе, приведшее къ рѣшительному перевороту въ этой области, къ перемѣнѣ всѣхъ старыхъ, отжившихъ взглядовъ и традицій. Литература, писанная, по выраженію Гоголя, «слогомъ помадныхъ объявленій» и доказывавшая, что мы живемъ въ прекраснѣйшемъ изъ міровъ, доживала свои послѣдніе дни. На смѣну ей выступала новая «натуральная» школа, которая шла по пути, указанному Гоголемъ, и начала изображать дѣйствительную жизнь безъ всякихъ ложныхъ прикрасъ. Литература перестаетъ быть какимъ то случайнымъ и внѣшнимъ украшеніемъ жизни, напротивъ—она тѣсно примыкаетъ и сливается съ ней. Главная заслуга въ этомъ переворотѣ принадлежитъ Бѣлинскому. Уже въ одной изъ своихъ первыхъ статей Бѣлинскій ясно и опредѣленно

указалъ, какое мѣсто должна занимать литература въ отношеніи къ жизни. Она есть плодъ «свободнаго вдохновенія и дружныхъ усилій людей, созданныхъ для искусства, дышащихъ для одного его и уничтожающихся внѣ его, вполнѣ выражающихъ въ своихъ изящныхъ созданіяхъ духъ того народа, среди котораго они рождены и воспитаны, жизнью котораго они живутъ и духомъ котораго они дышатъ, выражающихъ въ своихъ творческихъ произведеніяхъ его внутреннюю жизнь до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній («Литературныя мечтанія»). Вмѣстѣ съ этимъ измѣняются и самыя задачи художественнаго творчества. Писательство для забавы, для развлеченія скучающаго читателя, обращается въ дѣло общественнаго служенія. Задачи писателя—«глаголомъ жечь сердца людей», служить лучшимъ интересамъ человѣческой мысли и нравственному совершенствованію того общества, въ которомъ онъ живетъ. По самой природѣ своей человѣкъ, глубоко преданный правдѣ, страстно искавшій ее во всемъ, человѣкъ, для котораго «жить и писать, писать и жить» значило одно и то же, Бѣлинскій былъ бичемъ для всѣхъ мнимыхъ талантовъ, пошлости и фальшивой напыщенности въ литературѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣляя и горячо привѣтствуя все, что̀ «было въ ней правдой и красотой», по выраженію И. С. Тургенева. То отрицательное отношеніе къ разнымъ темнымъ сторонамъ нашей тогдашней общественной жизни, къ которому, какъ извѣстно, пришелъ Бѣлинскій въ концѣ своей дѣятельности, доставившее ему столько враговъ при жизни и даже послѣ смерти, было вызвано тѣмъ же страстнымъ стремленіемъ къ нравственной правдѣ, которымъ проникнута была вся дѣятельность Бѣлинскаго—представленіемъ о человѣческомъ достоинствѣ и сознаніемъ необходимости просвѣщенія, недостатокъ котораго такъ сильно чувствовался тогда. Дѣйствуя посредствомъ литературы, разгоняя въ ней множество фальшивыхъ и вредныхъ понятій, Бѣлинскій тѣмъ самымъ способствовалъ установленію новыхъ не только литературныхъ, но и общественныхъ взглядовъ. Можетъ быть нѣкоторые изъ этихъ взглядовъ и требованій были несовсѣмъ опредѣленны—такіе упреки не разъ дѣлали литературѣ 40 годовъ, забывая впрочемъ, что причиною этого могли быть и «независящія» отъ нея обстоятельства, — но во всякомъ случаѣ искренній идеа-

лизмъ Бѣлинскаго былъ несомнѣнно огромной нравственно-воспитательной силой для цѣлаго ряда поколѣній.

На тогдашнюю молодежь пламенныя статьи Бѣлинскаго производили чрезвычайно сильное впечатлѣніе; ихъ читали, штудировали, заучивали наизусть даже. У семинаристовъ конечно не могло образоваться отъ этого чтенія какого либо цѣльнаго и опредѣленнаго міровоззрѣнія; но во всякомъ случаѣ его вліянію нужно приписать ту любовь къ знанію и литературѣ и тѣ можетъ быть смутныя, но хорошія стремленія, которыя такъ глубоко заронились въ душу Никитина еще на семинарской скамьѣ и помогли ему впослѣдствіи выйти на «дорогу новой жизни». Увлеченіе литературой, въ особенности же стихотвореніями Кольцова, заставило Никитина уже въ семинаріи испытать свои силы на этомъ поприщѣ. Первое свое стихотвореніе онъ показалъ профессору словесности Чехову, который одобрилъ этотъ опытъ и совѣтовалъ продолжать. Съ этихъ поръ сочиненіе стиховъ сдѣлалось любимымъ занятіемъ Никитина, своего рода потребностью: оно замѣняло ему игры и товарищескія бесѣды. Между товарищами за Никитинымъ скоро установилась репутація семинарскаго поэта. Первые опыты Никитина не сохранились, и потому не можемъ судить о нихъ. Но должно быть, это были только слабыя подражанія другимъ поэтамъ; при совершенной отчужденности отъ общества и замкнутости въ себѣ, содержаніе ихъ по необходимости должно было ограничиваться картинами природы и внутреннимъ міромъ.

Никитинъ въ это время былъ уже юноша лѣтъ 18-ти, цвѣтущій здоровьемъ и красивый. По характеру онъ, какъ и въ дѣтствѣ, оставался сосредоточеннымъ и нелюдимымъ. Даже въ эту лучшую пору жизни, когда сердце такъ раскрыто для привязанности, Никитинъ кажется не зналъ ни любви, ни дружбы. «Сложившаяся такимъ образомъ жизнь,—справедливо замѣчаетъ М. Ѳ. Де-Пуле,—уже имѣла сама въ себѣ источникъ будущихъ страданій: молодой человѣкъ развивался насчетъ одного ума, сердце черствѣло и замыкалось... Чувствовалось, что по натурѣ, по душѣ Никитина прошла когда то сильная струя холода, оставившая въ ней на всю жизнь неизгладимый слѣдъ; она была постоянно помѣхой, по которой вспыхивающая въ душѣ его страсть никогда не разгоралась пламенемъ общаго пожара». Нелюдимость, приниженность и недовѣріе къ людямъ выработались

въ Никитинѣ уже въ семейной жизни подъ вліяніемъ грубаго и деспотичнаго нрава отца. Семинарское воспитаніе не могло искоренить этихъ качествъ, скорѣе всего оно же и укрѣпило ихъ, а тѣ идеи и «возвышенныя стремленія», которыя семинаристъ-Никитинъ могъ вынесть изъ книгъ, еще болѣе усиливали въ его душѣ разладъ между этими представленіями и грубой прозой мѣщанско-торгашеской жизни. Рано развивавшаяся въ молодомъ человѣкѣ рефлексія, способность критически смотрѣть вокругъ себя, выдвинула его изъ его темной среды, но она же всю жизнь была для Никитина источникомъ глубокихъ страданій. «Еслибъ вы знали, писалъ—Никитинъ въ одномъ письмѣ,—какія сцены окружали меня съ дѣтства, какая мелочная, но тѣмъ не менѣе страшная драма разыгрывалась передъ моими глазами,—драма, гдѣ мнѣ доводилось играть роль, возмущавшую меня до глубины души!» Дальнѣйшія обстоятельства жизни еще болѣе усилили тяжесть положенія для молодого человѣка.

Въ то время, когда Никитинъ учился въ семинаріи, увлекаясь Бѣлинскимъ и стихами и мечтая уже объ университетѣ, въ его семьѣ подготовлялась катастрофа. Торговыя дѣла отца Никитина шли все хуже и хуже. Свободная прежде торговля восковыми свѣчами сдѣлалась монопольной, приказчики, ѣздившіе по ярмаркамъ, обкрадывали его, кредиторы не платили долговъ. Въ концѣ концовъ все это привело къ тому, что весьма значительное раньше состояніе Никитиныхъ рухнуло; заводъ восковыхъ свѣчъ и домъ они должны были продать, а вмѣсто этого могли купить себѣ только плохой постоялый дворъ, который отдавали въ аренду, а сами помѣщались въ маленькомъ флигелѣ. Это была уже бѣдность, тѣмъ болѣе тяжелая и унизительная, что она смѣнила матеріальное довольство и тотъ почетъ, которымъ, благодаря ему, прежде пользовались Никитины. [illegible] хуже всего было то, что эти неудачи повели за собой и нравственное паденіе семьи. Отецъ Никитина съ горя началъ прибѣгать къ обычному утѣшенію русскаго человѣка—началъ пить; это обратилось у него въ страсть, которая уже не оставляла его до конца жизни. Тѣмъ же недугомъ заразилась и жена Никитина... При такихъ прискорбныхъ семейныхъ обстоятельствахъ молодой Никитинъ оканчивалъ философскій классъ семинаріи. Не смотря на полное разстройство дѣлъ, отецъ его повидимому не хотѣлъ *отказаться отъ своего* намѣренія послать сына въ университетъ.

Но рѣшительной противницей этого явилась мать Никитина: она умоляла мужа не отсылать отъ себя сына, а поскорѣе женить его и посадить въ лавку, которая еще кое-какъ держалась. Первый изъ этихъ плановъ не состоялся только потому, что не нашлось подходящей невѣсты; во всякомъ случаѣ Никитинъ долженъ былъ оставить ученье и очутился за прилавкомъ.

Неизвѣстно, какую роль игралъ самъ Никитинъ въ этотъ рѣшительный моментъ своей жизни: подчинился ли онъ покорно силѣ обстоятельствъ, или дѣлалъ какія либо попытки измѣнить семейное рѣшеніе—никакихъ данныхъ для того, чтобы судить объ этомъ, мы не имѣемъ. Очень можетъ быть, что съ его стороны было желаніе принесть себя въ жертву для поддержанія семьи... Какъ бы то ни было, но съ этихъ поръ для молодого человѣка начался новый и самый темный періодъ его жизни, который продолжается почти десять лѣтъ. Все, чѣмъ до сихъ поръ жилъ семинаристъ-Никитинъ, весь этотъ радужный міръ мечтаній и плановъ о другой жизни, который создался на школьной скамьѣ, пришлось похоронить; впереди была суровая, весьма неприглядная дѣйствительность. Къ сожалѣнію объ этомъ времени жизни Никитина сохранились только отрывочныя свѣдѣнія, и мы можемъ только приблизительно представить себѣ какія испытанія пришлось переживать молодому человѣку. Отголоски этого настроенія часто слышатся въ его позднѣйшихъ стихотвореніяхъ.

> Мучительные дни съ безсонными ночами,
> Какъ много васъ прошло безъ свѣта и тепла!
> Какъ вы мнѣ памятны тоскою и слезами,
> Потерями надеждъ, безсильемъ противъ зла!

Но возвратимся къ разсказу. Отъ прежняго богатства Никитиныхъ остался только плохой доходъ съ постоялаго двора. Лавку, которая вначалѣ еще кое-какъ держалась, они скоро должны были закрыть, а вмѣсто этого Иванъ Саввичъ въ праздники выходилъ торговать свѣчами на столахъ, которыя разставлялись на городской площади. Толпа торговцевъ не упускала при этомъ случая поиздѣваться надъ «студентомъ», какъ въ насмѣшку они называли Никитина. Между тѣмъ отецъ его почти не занимался дѣлами. Несчастная страсть къ запою разви-

валась въ немъ все сильнѣй и подъ ея вліяніемъ его характеръ, необузданный и раньше, теперь обратился въ самое дикое самодурство, которое всей тяжестью обрушивалось на сына. Жены, которую Никитинъ любилъ и которая могла бы сколько-нибудь сдерживать его, уже не было: она умерла черезъ полгода послѣ выхода сына изъ семинаріи. На оргіи и кутежи уходило послѣднее состояніе; все, что можно было прожить, проживалось. Сынъ все это видѣлъ, мучился, но оказать какое либо сопротивленіе былъ не въ силахъ: всякое противорѣчіе только вызывало взрывы самодурства со стороны отца. Почти каждый день Никитину приходилось переносить сцены вродѣ слѣдующей:

— Иванъ Саввичъ,—кричалъ расходившійся отецъ:—А кто далъ тебѣ образованіе, кто вывелъ въ люди? А? Не чувствуешь! Не почитаешь отца! Не кормишь его хлѣбомъ! Вонъ изъ моего дома...

Все это приправлялось бранью, а часто и побоями. Легко представить, какое мучительное состояніе испытывалъ Никитинъ отъ такихъ сценъ и сколько озлобленія накоплялось въ его душѣ. Между нимъ и отцомъ за это время установились весьма прискорбныя отношенія, въ которыхъ была доля затаенной вражды, не прекратившейся до самой смерти поэта. Отецъ конечно по своему любилъ сына и зналъ ему цѣну, его успѣхами сначала въ наукахъ, а потомъ на литературномъ поприщѣ онъ гордился; но природная грубость вмѣстѣ съ несчастной слабостью, которой онъ предавался, все-таки брала верхъ; перемѣнить себя онъ былъ не въ состояніи, если и хотѣлъ. За періодами спокойствія опять начинались семейныя бури и мучительство. Въ такіе моменты состояніе Никитина, только что оставившаго школьную скамью, проникнутаго тѣми можетъ быть смутными, но благородными стремленіями, которыя возбудило въ немъ знакомство съ тогдашней литературой, доходило до отчаянія. Въ началѣ онъ повидимому совсѣмъ упалъ духомъ. «Страдающій, мечтающій, загнанный, часто голодный, сидѣлъ упыремъ этотъ юноша дома, или лежалъ на сѣновалѣ съ книгою въ рукахъ, или бродилъ по городу и его окрестностямъ безъ всякаго дѣла». Къ этому нужно прибавить полное одиночество, отсутствіе человѣка, въ которомъ онъ могъ бы найти поддержку и ободреніе. Пробовалъ было Никитинъ предлагать свои услуги въ качествѣ приказчика кому *нибудь изъ воронежскихъ* купцовъ—его не принимали: для такой

роли считали неудобнымъ образованнаго молодого человѣка, «студента». Кромѣ того дурная репутація отца бросала тѣнь и на сына.

Однако молодая натура не могла долго оставаться безъ всякой дѣятельности. Пришлось примириться съ положеніемъ и войти въ ту роль, которая волей-неволей представлялась обстоятельствами. И вотъ, одѣвши чуйку, подрѣзавъ волосы въ кружокъ, Никитинъ принялся дворничать. Арендатора онъ устранилъ и все хозяйство постоялаго двора забралъ въ свои руки, т.-е., по мѣстному выраженію, сдѣлался «дворникомъ». Пришлось зазывать къ своему двору извозчиковъ, ухаживать за ними, выдавать имъ овесъ и сѣно, иногда даже самому стряпать для нихъ.

Не смотря на грязь и мелочность такихъ заботъ, всетаки это это было живое дѣло, которое спасало молодого человѣка отъ полнаго унынія, а можетъ быть и паденія; спасало кромѣ того и отъ нищеты, къ которой неизбѣжно пришли бы Никитины, благодаря безпутному образу жизни отца. Забравши въ свои руки хозяйство, Никитинъ конечно почувствовалъ себя болѣе самостоятельнымъ, хотя это и не избавило его отъ своеволія отца, который продолжалъ пить и буйствовать. Отношенія между ними попрежнему оставались неровными и натянутыми. Въ маленькой семьѣ Никитиныхъ, состоящей изъ этихъ двухъ лицъ, постоянно разыгривалась семейная драма, въ которой самая тяжелая роль досталась на долю сына. Въ періоды запоя онъ терпѣливо и покорно ухаживалъ за отцомъ; но когда тотъ отрезвлялся, платилъ ему дерзостью за свои оскорбленія. «Я въ состояніи убить того, кто рѣшился бы обидѣть старика въ моихъ глазахъ; но когда онъ отрезвлялся и смотритъ здравомыслящимъ человѣкомъ, вся желчь приливаетъ къ моему сердцу, и я не въ силахъ простить ему моихъ страданій»—такъ объяснялъ Никитинъ свои отношенія къ отцу. На его впечатлительную и нервную натуру эти ежедневно повторявшіяся грубыя сцены производили угнетающее впечатлѣніе; онѣ можетъ быть наложили тотъ мрачный колоритъ, которымъ отличается его характеръ. Даже въ лучшую пору жизни, когда счастье обернулось къ Никитину и согрѣло его своими лучами, скорбные отголоски тяжелаго прошлаго постоянно слышатся въ его стихотвореніяхъ.

Все, что грязнаго есть въ жизни бѣдной,—
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачъ нужды, оборванной и блѣдной,
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Такую жизненную школу пришлось проходить нашему поэту-дворнику. Счастливъ тотъ, кто вышелъ съ побѣдой изъ такой борьбы и сохранилъ въ себѣ способность такъ живо сочувствовать страданіямъ другихъ! Жизнь на постояломъ дворѣ поставила Никитина лицомъ къ лицу съ простымъ народомъ, дала ему возможность близко узнать его бытъ, его радости и горе. Не смотря на свое отвращеніе къ «грязной дѣйствительности», которою представлялась Никитину его жизнь на постояломъ дворѣ, онъ съумѣлъ найти въ ней стороны, вызвавшія глубокія симпатіи къ себѣ въ душѣ поэта. Сочувствіемъ къ бѣдности, къ ея непритворному горю, ко всѣмъ угнетеннымъ и обездоленнымъ проникнуты лучшія произведенія Никитина.

Почти десять лѣтъ жизни на постояломъ дворѣ, меркантильность и мелочность интересовъ, въ кругу которыхъ все это время вращался Никитинъ, не могли однако заглушить въ немъ тѣхъ сѣмянъ, которыя запали уже на школьной скамьѣ. «Окруженный людьми, лишенными малѣйшаго образованія,—писалъ впослѣдствіи Никитинъ, —не имѣя руководителей, не слыша разумнаго совѣта, за что̀ и какъ нужно взяться, я бросался на всякое, сколько нибудь замѣчательное произведеніе, бросался и на посредственное. Продавая извозчикамъ овесъ и сѣно, я обдумывалъ прочитанныя мною и поразившія меня строки, обдумывалъ ихъ въ грязной избѣ подъ крикъ и пѣсни разгулявшихся мужиковъ... Найдя свободную минуту, я уходилъ въ какой нибудь отдаленный уголокъ моего дома. Тамъ я знакомился съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества, тамъ я слагалъ скромный стихъ, просившійся у меня изъ сердца. Съ лѣтами любовь къ поэзіи росла въ моей груди, но вмѣстѣ съ тѣмъ росло и сомнѣніе: есть ли во мнѣ хоть искра дарованія?» Такое сомнѣніе могло бы въ конецъ убить дарованіе, но къ счастью для Никитина судьба послала ему поддержку: въ это время онъ сблизился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, И. И. Дураковымъ, въ которомъ нашелъ сочувствіе своимъ литературнымъ наклонностямъ. Эта дружба оказала благотворное вліяніе на Никитина. Въ лицѣ

Дуракова онъ нашелъ человѣка, съ которымъ могъ дѣлиться всѣми своими мыслями, нашелъ наконецъ внимательнаго слушателя своихъ произведеній. Вѣроятно подъ вліяніемъ Дуракова Никитинъ рѣшился послать нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній въ редакціи столичныхъ журналовъ. Первый шагъ оказался неудачнымъ—отвѣта не послѣдовало никакого. Въ 1849 г. онъ снова рѣшается попытать счастья, но уже поближе: два изъ своихъ стихотвореній («Лѣсъ» и «Дума») посылаетъ въ редакцію «Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей». Должно быть, робость Никитина заставила его послать эти стихи безъ полной подписи, только съ иниціалами. Редакція «Ворон. губ. вѣдомостей» нашла эти стихотворенія настолько замѣчательными, что готова была, выходя изъ своей программы, напечатать ихъ, но предварительно просила автора открыть свое имя. Никитинъ не рѣшился сдѣлать этого, и его стихотворенія на этотъ разъ не увидѣли свѣта. Только въ концѣ 1853 г. Никитинъ снова рѣшился сдѣлать попытку—на этотъ разъ уже болѣе смѣлую—выступить въ печати. Подъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія, охватившаго наше общество въ то время, при началѣ Крымской войны, онъ написалъ стихотвореніе «Русь», которое вмѣстѣ съ двумя другими («Поле» и «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ пашъ необъятный») послалъ черезъ Дуракова къ редактору «Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей» В. А. Средину вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ: «Я—здѣшній мѣщанинъ. Не знаю, какая непостижимая сила влечетъ меня къ искусству, въ которомъ можетъ быть я—ничтожный ремесленникъ! Какая непонятная власть заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь въ то время, когда горькая дѣйствительность окружаетъ жалкою прозою мое незавидное существованіе! Скажите, у кого мнѣ просить совѣта и въ комъ искать теплаго участія? Кругъ моихъ знакомыхъ слишкомъ ограниченъ и составляетъ со мной рѣшительный контрастъ во взглядахъ на предметы, въ понятіяхъ и желаніяхъ. Быть можетъ мою любовь къ поэзіи и мои грустныя пѣсни вы найдете плодомъ раздраженнаго воображенія и смѣшною претензіей выйти изъ той сферы, въ которую я поставленъ судьбой. Рѣшеніе этого вопроса я предоставляю вамъ и, скажу откровенно, буду ожидать этого рѣшенія не совсѣмъ равнодушно: оно покажетъ мнѣ или мое значеніе, или мою ничтожность, мое нравственное—быть или не быть?»

Робость, приниженность, неувѣренность въ себѣ сквозятъ въ каждой строчкѣ этого письма. Изъ этого отрывка, который мы привели, можно видѣть, что въ лицѣ Никитина выступалъ на литературное поприще не «поэтъ-самоучка» вродѣ Кольцова, какъ вначалѣ смотрѣли на Никитина, а человѣкъ съ значительной уже литературной подготовкой, образованный. Такое письмо со стороны мѣщанина Никитина, содержателя постоялаго двора, было конечно явленіемъ очень страннымъ, какъ и всѣ его произведенія, въ которыхъ ничего «самороднаго» и «дворническаго» не было. А этого именно у него искали, и положеніе Никитина на первыхъ порахъ многихъ вводило въ заблужденіе. Къ счастью для Никитина, на этотъ разъ вопросъ: быть или не быть, остаться на вѣкъ дворникомъ, или выйти на «дорогу новой жизни», о которой онъ такъ долго мечталъ, былъ рѣшенъ въ его пользу. Присланныя стихотворенія, въ особенности же ихъ авторъ, заинтересовали кружокъ людей, стоявшихъ во главѣ воронежской интеллигенціи. Это были: Н. И. Второвъ, К. О. Александровъ-Дольникъ, В. А. Срединъ и другіе, о которыхъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ. Второвъ захотѣлъ сейчасъ же познакомиться съ авторомъ-дворникомъ. И вотъ къ Никитину, съ трепетомъ ожидавшему рѣшенія своей судьбы, приходитъ его знакомый, Рубцовъ, и зоветъ его къ Второву. «Блѣдный, худощавый, выглядывавшій какъ-то изъ-подлобья, въ длинномъ сюртукѣ—такъ описываетъ эту встрѣчу Второвъ—Иванъ Саввичъ робко слѣдовалъ за Рубцовымъ, и когда послѣдній съ торжествомъ объявилъ, что это тотъ самый Никитинъ, съ которымъ я желалъ познакомиться, онъ, словно подсудимый, призванный къ отвѣту, сталъ извиняться, что позволилъ себѣ такую дерзость, т. е. написалъ письмо и пр. Насилу могъ я его усадить; но и затѣмъ, какъ только начиналъ я говорить съ нимъ, онъ тотчасъ же вскакивалъ, и не малыхъ усилій стоило мнѣ уговорить его вести разговоръ со мною, сидя. Изъ разговора нашего, который скоро обратился къ литературѣ, оказалось, что Иванъ Саввичъ много читалъ, но много также оставалось ему еще неизвѣстнымъ. Онъ съ радостью принялъ мое предложеніе пользоваться моею небольшою библіотекою и на первый же разъ запасся «Давидомъ Копперфильдомъ» Диккенса. «Второвъ сразу же угадалъ въ робкомъ и приниженномъ мѣщанинѣ даровитую на*туру, которую нужно* было только отогрѣть. Между ними съ это-

го времени началось знакомство, перешедшее потомъ въ дружескія отношенія, которыя продолжались до конца жизни Никитина.

Стихотвореніе «Русь», а затѣмъ и другія: «Война за вѣру», «Моленіе о чашѣ» были напечатаны въ «Воронеж. губернск. вѣдомостяхъ» и произвели сильное впечатлѣніе. О Никитинѣ заговорили какъ о «поэтѣ-самородкѣ», его стихотворенія переписывались и ходили по рукамъ, нѣкоторые столичные журналы перепечатали ихъ. Неизвѣстное до тѣхъ поръ имя поэта-дворника вдругъ сдѣлалось популярнымъ въ Воронежѣ; Никитинымъ интересовались, многіе искали съ нимъ знакомства. Изъ узкаго круга дворнической жизни Никитинъ попадаетъ въ лучшее воронежское общество; имъ интересуются и оказываютъ вниманіе даже люди, занимавшіе высокое положеніе. Скоро его имя дѣлается извѣстнымъ даже въ столицахъ, куда также дошла вѣсть о появленіи въ Воронежѣ новаго «народнаго поэта».

Несомнѣнно, что уже первыя стихотворенія Никитина, сдѣлавшіяся извѣстными публикѣ, какъ «Русь», «Война за вѣру» и другія, отличаются отъ зауряднаго стихотворства и носятъ признаки таланта, но во всякомъ случаѣ тотъ громкій успѣхъ и тѣ восторги, которыми они были встрѣчены, слѣдуетъ признать преувеличенными и преждевременными. Талантъ Никитина развился и нашелъ себѣ настоящую дорогу позже, а пока эти первые опыты были, какъ и всегда бываетъ, только робкимъ подражаніемъ другимъ поэтамъ и въ сущности, кромѣ звучныхъ стиховъ, ничего замѣчательнаго не представляли. Надѣлавшее столько шума и доставившее Никитину извѣстность, стихотвореніе «Русь» по формѣ представляетъ подражаніе Кольцову, а по содержанію наполнено болѣе или менѣе общими мѣстами о величіи Россіи, ея громадности, матеріальной силѣ и т. п. Въ стихотвореніи «Война за вѣру» повторяются нѣкоторые мотивы «Клеветникамъ Россіи» Пушкина. Успѣхъ, выпавшій имъ на долю, объясняется тѣмъ патріотическимъ возбужденіемъ, въ которомъ находилось въ то время, въ началѣ Крымской войны, наше общество, а еще больше—положеніемъ автора этихъ стихотвореній: въ лицѣ Никитина ожидали найти такой же талантъ-самородокъ, вышедшій изъ простого народа, какимъ былъ Кольцовъ. Мы уже видѣли, какую школу прошелъ Никитинъ, подъ какимъ вліяніемъ ему пришлось развиваться, и понимаемъ, какъ далекъ онъ былъ отъ того простого и непосредственнаго отно-

шенія къ жизни, которое такъ привлекательно въ поэзіи Кольцова и составляетъ ея оригинальность и прелесть. Сравненіе между Никитинымъ и Кольцовымъ, какъ ни естественно оно было, въ виду одинаковаго происхожденія и положенія обоихъ поэтовъ, было вызвано недоразумѣніемъ, которое сначала послужило въ пользу Никитина, создало ему быстрый успѣхъ, но затѣмъ обратилось противъ него: не найдя въ Никитинѣ народнаго поэта въ духѣ Кольцова, нѣкоторые совершенно отказывались признать въ немъ оригинальный талантъ и видѣли только подражателя. Обѣ точки зрѣнія были одинаково неправильны, какъ доказала дальнѣйшая литературная дѣятельность Никитина. Оцѣнку его произведеній мы сдѣлаемъ ниже, а пока отмѣчаемъ только эти обстоятельства для характеристики того положенія, которое занялъ нашъ поэтъ-дворникъ среди воронежскаго общества.

II.

Поэтъ-дворникъ и воронежскій кружокъ.

Воронежское общество въ началѣ 50 гг.—Н. И. Второвъ и его кружокъ.— И. А. Придорогинъ.—Вліяніе кружка на Никитина.—Его популярность въ Воронежѣ.—Знакомства.—Перемѣна въ положеніи.—Литературная дѣятельность.—Первое изданіе стихотвореній.—Отъѣздъ Второва.—Болѣзнь Никитина и уныніе.—Изданіе «Кулака».

Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50 гг. Воронежъ выдѣлялся своей интеллигенціей среди нашихъ провинціальныхъ городовъ. Здѣсь въ это время собралось много питомцевъ университетовъ: московскаго, петербургскаго и харьковскаго, занимавшихъ различныя должности по административной и педагогической части. Все это были по большей части люди молодые, энергичные, проникнутые любовью къ наукѣ и литературѣ и вносившіе оживленіе въ умственную жизнь провинціальнаго общества. Приливомъ интеллигенціи Воронежъ прежде всего былъ обязанъ своей близости къ харьковскому университету, который вообще былъ въ то время главнымъ разсадникомъ просвѣщенія для всего южнаго края; изъ его питомцевъ, уроженцевъ Воронежской губерніи, выдѣлилось не мало людей, занявшихъ почетное мѣсто въ наукѣ и

литературѣ, напримѣръ: Станкевичъ, Костомаровъ, Никитенко, Сухомлиновъ, Аѳанасьевъ и др. Въ концѣ 40-хъ годовъ наплыву интеллигенціи въ провинцію много способствовало вошедшее въ то время запрещеніе молодымъ людямъ, получившимъ образованіе въ университетахъ, начинать службу въ столицахъ. Наконецъ немаловажную также роль въ этомъ сосредоточеніи въ Воронежѣ образованныхъ людей игралъ основанный здѣсь въ 1845 г. кадетскій корпусъ, собравшій вокругъ себя молодые педагогическія силы.

Какъ извѣстно, тридцатые и сороковые года были у насъ временемъ литературныхъ кружковъ.

Въ этихъ дружескихъ кружкахъ, въ которые сплачивались лучшія умственныя силы, переживалось все, что только занимало и волновало тогда лучшую часть русскаго общества: то отвлеченности гегелевской философіи, то литература, то вопросы общественной жизни. Извѣстно, какое важное значеніе имѣли въ исторіи умственнаго развитія нашего общества такіе кружки, какъ московскій Станкевича, Бѣлинскаго и Грановскаго, или кружокъ Аксаковыхъ и Кирѣевскихъ и подобные же имъ петербургскіе кружки. Это были главные умственные центры. По примѣру ихъ, провинціальная интеллигенція также соединялась въ кружки, очень часто имѣвшіе какія либо сношенія со столичными; все, что дѣлалось въ центрахъ, передавалось, обсуждалось и здѣсь. Во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ происходитъ распаденіе кружковъ какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи; но въ то время, когда Никитинъ выступилъ на литературное поприще, въ Воронежѣ еще существовалъ такой кружокъ, соединявшій въ себѣ лучшія интеллигентныя силы. Во главѣ его стоялъ Н. И. Второвъ, занимавшій въ то время солидный административный постъ въ городѣ. Воспитанникъ казанскаго университета, Второвъ началъ свое служебное поприще въ Казани при канцеляріи военнаго губернатора, а затѣмъ — библіотекаремъ университета; въ то же время онъ редактировалъ мѣстныя губернскія вѣдомости и усердно занимался археологіей и этнографіей края. Затѣмъ, послѣ путешествія по Остзейскимъ губерніямъ, доставившаго ему богатый этнографическій матеріалъ, Второвъ служилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, гдѣ между прочимъ у него завязались литературныя знакомства въ кружкахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, гр. Сол-

логуба и Даля. Въ концѣ 40-хъ годовъ Второвъ перешелъ на службу въ Воронежъ.

Вмѣстѣ съ нимъ туда же пришелъ на службу его родственникъ и товарищъ по университету, К. О. Александровъ-Дольникъ. Въ Воронежѣ они оба ревностно принялись за изученіе этнографіи, исторіи и археологіи края, занимались собираніемъ древнихъ граматъ, въ результатѣ чего получилось солидное изданіе «Воронежскихъ актовъ» 16 и 17 ст. Эта цѣль привлекла къ нимъ много интеллигентныхъ силъ города. Скоро вокругъ Второва и Дольника собрался кружокъ, въ который входили люди разныхъ поколѣній и профессій; чиновники, педагоги, студенты, купцы— словомъ всѣ, кто только хотѣлъ принесть свою долю участія въ дѣлѣ изученія края, кто искалъ живого умственнаго дѣла, предпочитая его развлеченіямъ свѣтской жизни. «Все, что было въ Воронежѣ мыслящаго, Второвъ съумѣлъ собрать вокругъ себя, съумѣлъ воодушевить и подвинуть на работу». Этому много помогало обаяніе его симпатичной личности, его благородный и обходительный характеръ. Кружокъ собирался въ квартирѣ Второва. Здѣсь происходило сближеніе съ новыми людьми, кипѣли горячіе споры, обсуждались разные вопросы, которые занимали тогда общество. Благодаря столичнымъ знакомствамъ Второва, его кружокъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ московскими и петербургскими кружками, откуда такимъ образомъ всегда получался притокъ новыхъ идей.

Одной изъ интересныхъ личностей этого кружка былъ И. А. Придорогинъ. По происхожденію сынъ воронежскаго купца, воспитанникъ московскаго университета, поклонникъ Бѣлинскаго и Грановскаго, это былъ одинъ изъ «идеалистовъ 40-хъ годовъ» или, если угодно, одинъ изъ тѣхъ «лишнихъ людей», которыхъ такъ прекрасно изображалъ И. С. Тургеневъ (напримѣръ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» въ лицѣ Михалевича). Вспомните:

> Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
> Какъ младенецъ душою я сталъ...
> Я сжегъ все, чему поклонялся,
> Поклонился всему, что сжигалъ.

Въ этомъ цѣлая характеристика такихъ людей. Непрактичный, какъ и всѣ идеалисты, до конца жизни не съумѣвшій устроить свои дѣла, жившій въ кругу отвлеченностей, Придорогинъ *всегда чѣмъ ни*будь увлекался, волновался, протестовалъ (за

одинъ изъ своихъ протестовъ противъ произвола мѣстной администраціи ему между прочимъ пришлось поплатиться арестомъ на гауптвахтѣ). По образу мыслей онъ былъ либераломъ и отрицателемъ въ духѣ тогдашней литературы, но, не смотря на злой языкъ, котораго боялись нѣкоторые, въ сущности онъ былъ человѣкомъ съ нѣжной и любящей душой, способный привязываться всѣмъ сердцемъ. Неудивительно, что онъ одинъ изъ первыхъ принялъ самое живое участіе въ судьбѣ поэта-дворника. Въ кружкѣ Второва пылкій и увлекающійся Придорогинъ представлялъ контрастъ съ холодной дѣловитостью самого Второва и вносилъ сюда свой энтузіазмъ и оживленіе. «Протестантомъ и радикаломъ,—говоритъ Де-Пуле,—онъ былъ страшнымъ (конечно на словахъ), когда рѣчь заходила о крѣпостномъ правѣ: чего-чего не говорилъ онъ тутъ, какихъ не сочинялъ ужасовъ. До 1857 г. почти ни одна наша бесѣда не обходилась безъ его горячихъ филиппикъ».

Кромѣ этихъ лицъ, близкое участіе въ судьбѣ Никитина приняли А. П. Нордштейнъ и М. Ѳ. Де-Пуле (въ то время преподаватель воронежскаго корпуса), сдѣлавшійся другомъ поэта, а послѣ его смерти—его біографомъ.

Второвъ ввелъ Никитина въ свой кружокъ. Личность поэта-мѣщанина, затерявшагося на постояломъ дворѣ, владѣющаго литературнымъ языкомъ, пишущаго стихи, живя среди извозчиковъ, конечно возбудила общій интересъ. Прежде всего въ немъ хотѣли открыть новый талантъ-самородокъ, народнаго поэта вродѣ Кольцова, память о которомъ была еще такъ свѣжа въ Воронежѣ. Приписать себѣ честь такого открытія было, конечно, очень заманчиво, и нѣкоторые изъ новыхъ друзей Никитина, кажется, слишкомъ поторопились это сдѣлать; благодаря имъ, слухъ о Никитинѣ, какъ о новомъ народномъ поэтѣ, быстро распространился за предѣлами Воронежа. Впослѣдствіи это только повредило Никитину: на него возложили такія ожиданія, предъявляли такія требованія, которыхъ онъ выполнить не могъ, потому что они совершенно не соотвѣтствовали его дарованію. «Знаете-ли,—писалъ Никитину А. Н. Майковъ (хотя и не знавшій его лично),—что я завидую вамъ? Завидую тому, что васъ воспитала и вскормила сермяжная Русь, слѣдовательно вы должны знать ее лучше меня». Нѣтъ сомнѣнія, что сынъ мѣщанина, содержатель постоялаго двора, Никитинъ хорошо зналъ эту «сермяжную Русь», но А. Н. Майковъ ошибался, думая, что она воспитала и вскормила его—

конечно, если говорить о воспитаніи не физическомъ, а духовномъ. Такой же «самобытности и народности» требовалъ отъ Никитина и одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ критиковъ, И. И. Введенскій, опять таки незнавшій Никитина лично, но убѣждавшій его письменно не мѣнять свой постоялый дворъ на «искусственный кабинетъ петербургскаго или московскаго литератора». Вся ошибка была въ томъ, что Никитинъ уже въ первыхъ своихъ произведеніяхъ является не самобытнымъ народнымъ поэтомъ, какимъ его считали, а литераторомъ, хотя еще и безъ опредѣленной физіономіи.

Впрочемъ и помимо литературнаго интереса, въ самой личности Никитина было многое, что возбуждало къ нему участіе въ людяхъ того кружка, въ который онъ такъ робко вступилъ. Въ этомъ приниженномъ, забитомъ нуждою дворникѣ чувствовалась богато одаренная натура, сохранившаяся наперекоръ обстоятельствамъ. Какъ мы уже знаемъ, первый, кто оцѣнилъ это и принялъ близкое участіе въ судьбѣ Никитина, былъ Н. И. Второвъ. «Съ первой поры моего знакомства съ Никитинымъ, — говоритъ онъ,—я привязался къ нему всей душой. Я полюбилъ въ немъ просто человѣка, человѣка съ благороднѣйшей душой, съ тонкимъ, изящнымъ чувствомъ, какого рѣдко встрѣтить не только въ той средѣ, въ которой онъ воспитывался, но даже и въ такъ называемой благовоспитанной». Съ этихъ поръ между ними установились близкія, дружескія отношенія, оказавшія благотворное вліяніе на Никитина. Второвъ ввелъ его въ кружокъ просвѣщенныхъ людей, помогалъ его развитію, былъ опытнымъ руководителемъ при первыхъ шагахъ его на литературномъ поприщѣ. Безъ такого содѣйствія судьба Никитина была бы вѣроятно иная. Много талантовъ погибло у насъ безъ слѣда, не успѣвши расцвѣсть, будучи не въ силахъ бороться съ обстоятельствами, съ равнодушіемъ и холодностью.

Никитинъ сначала дичился и не охотно заводилъ знакомства. Даже Второвъ долженъ былъ по нѣскольку разъ повторять приглашеніе, чтобы видѣть его у себя. Но мало по малу теплыя симпатіи новыхъ знакомыхъ разогрѣли его. (Кромѣ Второва и Придорогина Никитинъ ближе всего сошелся съ А. П. Нордштейномъ и нѣсколько позже съ М. Ѳ. Де-Пуле.) Въ это время онъ переживалъ самый счастливый моментъ своей жизни. Послѣ нѣсколькихъ годовъ тяжелой жизни Никитинъ узналъ наконецъ высшія

радости, доступныя человѣку и писателю: его признали поэтомъ, его [illegible]е стихи, которые онъ прежде такъ тщательно скрывалъ [illegible]сѣхъ, какъ преступленіе, теперь читаются всѣми, производятъ впечатлѣніе, его имя сдѣлалось извѣстнымъ далеко за предѣлами Воронежа. Не только печатныя, но даже рукописныя стихотворенія Никитина быстро распространялись по городу, о немъ заговорили въ разныхъ слояхъ общества, съ нимъ наперерывъ искали знакомства, даже люди высокопоставленные спѣшили оказать ему вниманіе. Между прочимъ одной изъ ревностнѣйшихъ почитательницъ Никитина сдѣлалась жена тогдашняго воронежскаго губернатора, кн. Е. Г. Долгорукая, которой въ особенности нравились его стихотворенія религіознаго содержанія, напримѣръ «Моленіе о чашѣ». Скоро имя Никитина проникло и въ столичную печать. Первыя извѣстія о немъ вмѣстѣ съ нѣсколькими стихотвореніями были напечатаны въ «Москвитянинѣ» гр. Д. Н. Толстымъ, узнавшимъ о Никитинѣ отъ Второва. Вмѣстѣ съ этимъ гр. Толстой сдѣлалъ предложеніе Никитину издать на свой счетъ собраніе его стихотвореній.

Никитинъ по прежнему оставался содержателемъ постоялаго двора, но нравственное состояніе его совершенно измѣнилось: онъ теперь вышелъ изъ узкаго круга дворнической жизни, сдѣлался членомъ образованнаго общества, которое такъ привѣтливо встрѣтило его. Вмѣстѣ съ этимъ значительно измѣнилось и его матеріальное положеніе: гонораръ, который Никитинъ началъ получать за свои стихотворенія, въ особенности же порядочная сумма, вырученная отъ продажи книжки, дала ему возможность устроить свое положеніе къ лучшему; онъ освободился отъ грязной возни съ извозчиками, нанялъ приказчика, завелъ даже лошадь. Тѣ, которые познакомились въ это время съ Никитинымъ, ожидая найти въ немъ простого мѣщанина въ чуйкѣ, подстриженнаго въ кружокъ, были очень разочарованы: и по платью, и по наружности онъ выглядѣлъ образованнымъ человѣкомъ, литераторомъ. Де-Пуле говоритъ, что нѣкоторые изъ знакомыхъ, не шутя, находили у Никитина какое-то сходство съ Шиллеромъ... Вращаясь среди образованныхъ людей, Никитинъ не могъ не сознавать бѣдности своего образованія и, чтобы пополнить этотъ недостатокъ, онъ начинаетъ учиться вновь, много читаетъ, занимается французскимъ языкомъ, на которомъ впослѣдствіи онъ могъ уже кое какъ объясняться, а въ письмахъ

любилъ щеголять французскими фразами. Изъ всего этого можно видѣть, какъ мало онъ соотвѣтствовалъ тому представленію о «поэтѣ-дворникѣ», «поэтѣ-самородкѣ», которое нѣкоторые составляли о немъ за глаза.

Благодаря популярности своего имени и друзьямъ, Никитинъ въ это время имѣлъ уже довольно обширный кругъ знакомыхъ какъ въ Воронежѣ, такъ и за городомъ. Между послѣдними онъ былъ очень радушно принятъ въ помѣщичьемъ семействѣ Плотниковыхъ. Здѣсь, среди приволья природы, въ обществѣ дамъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ интересовалъ этотъ нелюдимый и грубоватый, но оригинальный «поэтъ-дворникъ», Никитинъ оживалъ душой. Чувства молодости, уже протекшей, воскресали въ немъ въ мирной обстановкѣ этого дома, въ кругу дружески принявшей его семьи, гдѣ онъ находилъ «минутное счастье подъ кровлей чужой», какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ стихотвореній, относящихся къ его пребыванію въ домѣ Плотниковыхъ. Здѣсь у Никитина кажется были первыя встрѣчи съ женщинами,—до сихъ поръ онъ совершенно не зналъ женскаго общества—отъ которыхъ въ его душѣ остались мимолетныя, но свѣтлыя воспоминанія; на это указываютъ нѣкоторыя его стихотворенія («Чуть сошлись мы, другъ друга узнали...» «День и ночь съ тобою жду встрѣчи...»). Но вообще счастье любви никогда не согрѣло «одинокую и безпріютную» жизнь Никитина. Кажется, самыя мечты и возможность этого счастья обращались для него въ источникъ страданій. Мы не знаемъ, къ кому относится одно стихотвореніе, написанное въ лучшую пору жизни Никитина, въ пору успѣха и надеждъ; въ немъ поэтъ съ суровой безпощадностью отрекается отъ счастья съ любимой женщиной, рисуя ей мрачную перспективу собственной жизни, которую ей пришлось бы раздѣлить съ нимъ.—«Не повторяй холодной укоризны»,—говоритъ онъ:

Не суждено тебѣ меня любить...
Безпечный миръ твоей невинной жизни
Я не хочу безжалостно сгубить.
Тебѣ-ль, съ младенчества не знавшей огорченій,
Со мною объ руку идти однимъ путемъ,
Глядѣть на зло, на грязь и гаснуть за трудомъ,
И плакать, можетъ быть, подъ бременемъ лишеній,
Страдать не день, не два—всю жизнь свою страдать!

Т[illegible] сложилась эта суровая жизнь, что въ ней не было мѣс[illegible]достей. Одной изъ причинъ того мрачнаго настроенія, [illegible] преобладало въ Никитинѣ, была серьезная хроническая [illegible]знь, которою онъ началъ страдать за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ; началась она съ тѣхъ поръ, какъ онъ, хвалясь своей силой, поднялъ какую-то тяжесть, при чемъ у него какъ будто порвалось что-то внутри. Уже въ то время, когда Ники[illegible] извѣстнымъ поэтомъ, эта болѣзнь медленно подтачив[illegible] сильный по природѣ организмъ, по временамъ переходя въ невыносимыя страданія. Этимъ многое объясняется въ его характерѣ и самый тонъ его произведеній, ноющій, болѣзненный, мрачный.

Во всякомъ случаѣ эти четыре года (1853—57) были лучшей порой въ жизни Никитина. Физическія силы еще не были окончательно убиты болѣзнью, бодрость духа поддерживалась сознаніемъ своего успѣха и дружескими симпатіями такихъ людей, какъ Второвъ и члены его кружка. За это время талантъ Никитина уже совершенно опредѣлился и окрѣпнулъ. Если первыя его стихотворенія, доставившія ему извѣстность («Русь» «Война за вѣру» и пр.), ничего не представляли новаго и оригинальнаго но были только болѣе или менѣе удачными варіаціями на темы нашихъ извѣстныхъ поэтовъ, то теперь Никитинъ переходитъ въ ту область, которая ему была такъ близка и знакома, и гдѣ онъ нашелъ еще непочатый источникъ для вдохновенія; эта область—жизнь простого народа и низшихъ городскихъ классовъ, которую Никитинъ зналъ съ дѣтства. По всей вѣроятности эта сфера была указана Никитину его друзьями, которые вообще руководили его развитіемъ. Въ то время, когда затихли громы Крымской войны и въ воздухѣ уже носились вѣянія новыхъ реформъ императора Александра II, слова: «народность», «народъ» пріобрѣли особое значеніе и сосредоточивали на себѣ общій интересъ. Неудивительно поэтому, что второвскій кружокъ, такъ живо принимавшій къ сердцу общественные интересы, указывалъ Никитину на почти неизвѣстную тогда область народной жизни, въ которой могло выразиться его истинное дарованіе. Въ этотъ періодъ (1853—57 гг.) Никитинымъ были написаны его лучшія произведенія, напр. *Утро*, *Жена ямщика*, *Бурлакъ*, *Разсыпались звѣзды* и пр., гдѣ, кромѣ прекрасныхъ картинъ природы, описанія народной жизни сдѣланы съ такой правдивостью

и проникнуты такимъ глубокимъ и искреннимъ чув[illegible]сострадания къ ея невзгодамъ, которое производитъ си[illegible]атлѣніе и свидѣтельствуетъ о недюжинномъ талант[illegible]ина. Въ это же время имъ было начато и обдумывалось са[illegible]большое и серьезное произведеніе, поэма «*Кулакъ*».

Въ 1856 г. гр. Д. Н. Толстымъ и А. А. Половцовымъ было сдѣлано въ Петербургѣ первое изданіе стихотвореній Никитина. Это изданіе, въ которое вошли только стихотвор[illegible] вызвало въ печати разнообразные отзывы. Въ «Ру[illegible]вѣстникѣ» проф. Кудрявцевымъ была сдѣлана неблагопріятная рецензія, опечалившая Никитина, но еще больше огорченій доставили ему похвалы его книжкѣ Ѳ. Булгарина въ «Сѣверной Почтѣ», въ которыхъ заключались ехидные намеки насчетъ «исправленій», сдѣланныхъ въ его произведеніяхъ гр. Толстымъ. Все это, какъ водится, волновало и тревожило автора. Но за эти треволненія Никитинъ былъ щедро вознагражденъ вниманіемъ къ нему Высочайшихъ особъ, которымъ гр. Д. Н. Толстой поднесъ экземпляръ его стихотвореній. Обѣ императрицы, царствующая и вдовствующая, и покойный цесаревичъ Николай Александровичъ удостоили Никитина драгоцѣнными подарками, которые онъ принялъ съ восторгомъ. Это еще больше возвысило его въ глазахъ мѣстнаго общества. Что касается родныхъ Никитина, то они, видя такой внезапный переворотъ въ его судьбѣ, пришли въ смущеніе: они боялись, что его, какъ диковинку, «возьмутъ» въ Петербургъ!

Все лѣто 1855 г. Никитинъ проболѣлъ. Простудившись во время купанья, онъ получилъ горячку, за которой послѣдовалъ скорбутъ. Часть этого лѣта онъ провелъ въ имѣніи бывшаго директора воронежской гимназіи, П. И. Савостьянова, который любезно пригласилъ его къ себѣ въ надеждѣ, что деревенскій воздухъ лучше всего поможетъ его выздоровленію. Состояніе Никитина въ это время было очень тяжелое; болѣзнь довела его до того, что онъ не могъ ходить и долженъ былъ постоянно оставаться въ постели. «Тоска страшная... пишетъ онъ Де-Пуле.— Быть можетъ, эта тоска—ребячество, я не спорю; но выше моихъ силъ бороться съ нею, не видя надежды къ лучшему. Впереди представляется мнѣ картина: вижу самого себя медленно умирающаго, съ отгнившими членами, покрытаго язвами, потому *что такова* моя болѣзнь». Впрочемъ, къ осени здоровье Никитина

тин[illegible]вилось, и онъ могъ войти въ обычную колею жизни. Х[illegible]е на постояломъ дворѣ смѣнялось литературными за[illegible] посѣщеніемъ кружка знакомыхъ. Никитинъ въ это время любилъ устраивать у себя вечеринки, которыя охотно посѣщали его друзья. Здѣсь, въ его единственной и бѣдной комнаткѣ, за стаканами чаю велись оживленныя бесѣды, много шумѣли и спорили. Обыкновенно на этихъ собраніяхъ присутство[illegible]втихіевичъ, котораго Никитинъ обязательно представлялъ каждому новому гостю: «рекомендую вамъ — мой батенька!»

Въ 1857 г. Второвъ оставилъ Воронежъ. Онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ занялъ постъ вице-директора департамента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Съ его отъѣздомъ воронежскій кружокъ, душою котораго онъ былъ, распался. Да и вообще время кружковъ уже миновало. Они сослужили большую службу умственному развитію нашего общества въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Въ этихъ интимныхъ кружкахъ, въ которые сплачивались лучшія умственныя силы, подготовлялись и вырабатывались новыя литературныя и общественныя понятія, обсуждались такіе вопросы, о которыхъ нельзя было въ то время свободно разсуждать въ печати. Конечно среди кружковъ были и такіе, которые вполнѣ характеризовались репетиловскимъ восклицаніемъ: «шумимъ, братецъ, шумимъ!» Но за то имена Станкевича, Бѣлинскаго, Грановскаго, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ и многія другія навсегда останутся памятными въ исторіи нашего просвѣщенія. Но время теоретическихъ разсужденій и отвлеченныхъ вопросовъ проходило, наступала новая пора, явились «новыя птицы и новыя пѣсни». Реформы императора Александра Николаевича призывали общество къ живой практической дѣятельности, печать получила больше свободы и право голоса въ такихъ дѣлахъ, о которыхъ прежде не смѣли громко говорить, появились новые люди и новыя вѣянія... Въ такое время въ кружкахъ, по выраженію одного участника, сдѣлалось тѣсно.

Въ жизни Никитина воронежскій кружокъ играетъ важную роль. Онъ помогъ ему выйти на «дорогу новой жизни», оказалъ ему нравственную поддержку, которая была такъ необходима для забитаго и приниженнаго нуждой поэта-дворника, смутно чувствовавшаго другое призваніе, наконецъ руководилъ его умственнымъ развитіемъ. Можетъ быть эта опека иногда

тяготила Никитина—въ кружкахъ никогда не быв[illegible]олной свободы и авторитетъ больше, чѣмъ гдѣ нибудь, иг[illegible]— можетъ быть нѣкоторые изъ его новыхъ друзей нав[illegible] ему такіе взгляды, которые были ему чужды, во всякомъ случаѣ Никитинъ многимъ обязанъ вліянію второвскаго кружка. Интересно между прочимъ посмотрѣть, какъ отразилась эта умственная опека друзей на поэмѣ «Кулакъ», которую [illegible] написалъ въ это время (издана она была въ кон[illegible] Эта поэма существуетъ въ двухъ редакціяхъ: первая повидимому написана болѣе самостоятельно, вторая — послѣ поправокъ и перемѣнъ, сдѣланныхъ по совѣтамъ друзей. Главное различіе обѣихъ редакцій въ изображеніи Саши, дочери кулака: во второй (измѣненной) редакціи это симпатичный и трогательный образъ дѣвушки, которая любитъ бѣднаго столяра, но по принужденію деспота-отца выходитъ замужъ за богатаго купца, чахнетъ и медленно умираетъ въ разлукѣ съ милымъ. Но въ первоначальной редакціи Саша—это одна изъ тѣхъ пошлыхъ натуръ, для которыхъ «завѣтныя мечты»—

„Сережки, зонтикъ или шаль,
Или салопъ необходимый
Съ пушистымъ мѣхомъ изъ лисицъ и пр.

Она легко забываетъ бѣднаго столяра ради богатаго Тараканова и счастлива своимъ мѣщанскимъ счастьемъ, которое дѣлаетъ ее такой же бездушной эгоисткой, какъ и ея мужъ. Ея не трогаетъ несчастіе отца, который съ униженіемъ проситъ въ трудную минуту помощи у зятя: если Саша и ходатайствуетъ предъ мужемъ за отца, то только потому, что люди станутъ осуждать ихъ, богатыхъ, если они не окажутъ помощи въ такую трудную минуту бѣдному отцу. Нельзя не сознаться, что такой образъ Саши ближе къ жизненной правдѣ, хотя грубой и неутѣшительной, чѣмъ та идеализація, которая дана ей Никитинымъ во второй редакціи по совѣтамъ друзей. Вопросъ, что дороже: «тьма низкихъ истинъ» или «насъ возвышающій обманъ», повидимому въ кружкѣ Второва рѣшался въ пользу «возвышающаго обмана». Вообще вся эта поэма подъ вліяніемъ кружка много разъ подвергалась передѣлкамъ и измѣненіямъ, что наконецъ заставило Никитина воскликнуть въ одномъ письмѣ къ Второву: «Покуда мнѣ сомнѣваться и въ «Кулакѣ». и въ самомъ *себѣ!»*

Разлука со Второвымъ была очень тяжела для Никитина, который платилъ глубокой привязанностью этому благородному человѣку, игравшему роль добраго генія въ его судьбѣ.

«Я не могу,—пишетъ онъ Второву,—начать моего письма къ вамъ, какъ обыкновенно начинается бо́льшая часть писемъ: «милостивый государь!» Вѣетъ холодомъ отъ этого начала, и оно мнѣ кажется страннымъ послѣ тѣхъ отношеній, которыя между нами существовали. Я готовъ васъ назвать другомъ, братомъ, если позволите, но никакъ не «милостивымъ государемъ»... Признаться, я не могу похвалиться счастьемъ своихъ привязанностей: вы—третье лицо, которое я теряю, лицо для меня самое дорогое, потому что ни съ кѣмъ я другимъ не былъ такъ откровененъ, никого другого я такъ не любилъ. Силу этой привязанности я понялъ только теперь, сидя въ четырехъ стѣнахъ, не зная, куда и выйти, хотя многіе меня приглашаютъ... Прохожу мимо вашей квартиры — она пуста. Не видно знакомыхъ мнѣ бѣлыхъ занавѣсокъ; вечеромъ не горитъ огня въ кабинетѣ, гдѣ такъ часто я думалъ, читалъ, бесѣдовалъ, словомъ, благодаря вашему дружескому, разумному вниманію, находилъ средства забывать всѣ дрязги моей домашней жизни. Какъ же мнѣ не любить васъ, какъ мнѣ о васъ не думать!»

Кромѣ Второва, въ это время въ Воронежѣ не было ни Нордштейна, ни Придорогина, лучшихъ знакомыхъ и друзей Никитина. Изъ поддерживавшихъ близкія отношенія съ Никитинымъ оставался М. Ѳ. Де-Пуле, преподаватель воронежскаго корпуса, также дружески расположенный къ нему, какъ и Второвъ. Присоединились еще два новыя лица: Н. П. Курбатовъ и Н. С. Милашевичъ, одинъ изъ героевъ Крымской войны. Такимъ образомъ составилось маленькое общество, собиравшееся у Де-Пуле. Но прежняго оживленія и единства уже не было въ этомъ маленькомъ кружкѣ, притомъ же Второва едва ли кто нибудь могъ замѣнить для Никитина. Въ его состояніи съ этихъ поръ происходитъ довольно рѣзкая перемѣна. Онъ больше сталъ уходить въ себя, погружаться опять въ дрязги дворнической жизни, которая его волнуетъ, раздражаетъ и вмѣстѣ съ дикими сценами разгула отца доводитъ иногда до отчаянія. Къ тому же давнишняя болѣзнь все глубже и глубже подтачивала здоровье Никитина.

Вотъ что пишетъ онъ Второву въ іюлѣ 1858 г.: «...Здоровье

мое плохо. Докторъ запретилъ мнѣ на время работать головой. Вотъ уже съ мѣсяцъ ничего не дѣлаю и пью исландскій мохъ. Скука невыносимая!» А черезъ два мѣсяца: «Я все боленъ и боленъ болѣе прежняго. Мнѣ иногда приходитъ на мысль: не отправиться ли весною на воды, испытать послѣднее средство къ возстановленію моего здоровья? Но вопросъ: доѣду ли я до мѣста? Болѣзнь отнимаетъ у меня всякую надежду на будущее»...

Но болѣе даже, чѣмъ болѣзнь, доставляла мученій Никитину его семейная жизнь. Это видно напримѣръ изъ слѣдующаго отрывка его письма: «Читаю много, но ничего не дѣлаю и, право, не отъ лѣни. Нѣсколько дней тому назадъ я заглянулъ домой (Никитинъ въ это время жилъ за городомъ); тамъ кутежъ! Сказалъ было старику, чтобы онъ поберегъ свое и мое здоровье, поберегъ бы деньги—вышла сцена, да еще какая! Я убѣжалъ къ Придорогину и плакалъ навзрыдъ... Вотъ вамъ и поэзія!» Неудивительно, что при такихъ, располагающихъ къ унынію, обстоятельствахъ, лишившись поддержки такого друга, какимъ былъ для Никитина Второвъ, онъ по временамъ доходитъ до самаго мрачнаго пессимизма. На него нападаетъ сомнѣніе даже въ собственномъ талантѣ, который былъ уже признанъ и оцѣненъ.

«Нѣтъ,—пишетъ онъ Второву,—придется, вѣрно, отказаться отъ міра искусства, въ которомъ когда-то мнѣ жилось такъ легко, хотя этотъ міръ и былъ ложный, созданный моимъ воображеніемъ, хотя чувства, изъ него выносимыя, были большей частію «плѣнной мысли раздраженье». Придется, видно, по словамъ Пушкина:

Ожесточиться, очерствѣть
И наконецъ окаменѣть.

Грустная будущность! Но что же дѣлать? Видно я ошибся въ выбранной мною дорогѣ. Искра дарованія, способная блестѣть въ потьмахъ и чуждая силы грѣть и освѣщать предметы, не разгорится пожаромъ, потому что она жалкая искра. А свѣтящимся червякомъ я быть не хочу...» Дальше Никитинъ объясняетъ причины такого унынія. Это—семейная неурядица, отъ которой онъ нигдѣ не находитъ спасенія. «Иглы, ежедневно входящія въ мое тѣло, искажаютъ мой характеръ, дѣлаютъ меня раздражительнымъ, доводятъ иногда до желчной злости, за которою немедленно слѣдуютъ раскаяніе и слезы, увы! слезы тоски и *горя, жалкія,* безсильныя слезы!»

Сомнѣваться въ себѣ, въ своихъ силахъ, приходится каждому человѣку, кто только «жилъ и мыслилъ», чего нибудь добивался и о чемъ нибудь мечталъ; но въ приведенныхъ нами строкахъ Никитина звучитъ уныніе человѣка больного, съ разбитою жизнью,—уныніе, которое, такъ сказать, заложено уже въ самой натурѣ. Гнетъ прошлаго былъ такъ силенъ, что даже въ лучшіе моменты жизни Никитинъ былъ неспособенъ освободиться отъ него вполнѣ. За минутами воодушевленія, за вспышками радости, наступали упадокъ духа, недовольство и холодъ. Это настроеніе отражается и на произведеніяхъ Никитина; въ нихъ почти нѣтъ того жизнерадостнаго чувства, которое свидѣтельствуетъ о молодости, счастьи, о наслажденіи жизнью; за то какой глубокой, душу надрывающей тоской проникнуто большинство его стихотвореній! Самый переворотъ, совершившійся въ жизни Никитина со времени его выступленія на литературное поприще, заключалъ для него не мало горечи: въ одно и то же время онъ былъ и литераторъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ далеко за предѣлами родного города, принятый и обласканный лучшей частью воронежскаго общества, которая смотрѣла на него какъ на равнаго,— и мѣщанинъ-дворникъ, обязанный для поддержанія своего существованія и отца погружаться въ дрязги постоялаго двора, всегда чувствовавшій, что онъ—плоть отъ плоти того темнаго, сѣренькаго люда, съ которымъ постоянно ему приходилось имѣть здѣсь дѣло. Эта оборотная сторона медали часто напоминала о себѣ Никитину и между прочимъ по поводу слѣдующей исторіи, довольно интересной для характеристики тогдашнихъ провинціальныхъ нравовъ. Какъ извѣстно, въ концѣ 50-хъ годовъ нашей печатью овладѣла страсть къ обличенію разныхъ темныхъ сторонъ русской жизни, грѣшковъ администраціи и пр. Сатиры Щедрина пользовались большой популярностью, въ газетахъ постоянно появлялись обличительныя корреспонденціи. Такія извѣстія производили въ обществѣ сенсацію и попадали иногда не въ бровь, а въ глазъ. И вотъ по поводу одной такой корреспонденціи, въ которой было задѣто одно значительное лицо, распространились слухи, что авторъ ея—Никитинъ, «тотъ, который пишетъ стихи». Надъ Никитинымъ готова уже была разразиться гроза, ему, какъ мѣщанину, угрожало позорное наказаніе, пришлось объясняться, оправдываться, хлопотать; но къ счастью настоящіе авторы такихъ корреспонденцій скоро были обнаружены (оказалось, что

они принадлежали къ чиновному міру) и все обошлось благополучно. Во всякомъ случаѣ эта непріятная исторія сильно потрясла Никитина и показала ему, что писательская извѣстность имѣетъ и свои шипы.

Въ 1858 г. вышло лучшее и самое задушевное произведеніе Никитина, поэма «Кулакъ». Съ замѣчательнымъ реализмомъ и глубокой скорбью за человѣка здѣсь описана тяжелая и унизительная жизнь «кулака» — мелкаго торговца, промышляющаго всѣми правдами и неправдами тѣмъ, что только попадетъ подъ руку. Эта жизнь была близка самому Никитину, а въ лицѣ главнаго героя этой поэмы, Лукича, есть несомнѣнно многія черты его отца. То, незнающее себѣ никакой сдержки, самодурство, съ какимъ Лукичъ распоряжается въ своей семьѣ, конечно приходилось Никитину испытывать на себѣ и видѣть такъ правдиво описанныя въ поэмѣ сцены семейнаго безобразія пьянаго деспота-главы. «Кулакъ» оканчивается слѣдующими многозначительными стихами:

Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою,
Когда мой домъ объятъ былъ сномъ,
Сидѣлъ я грустный за столомъ,
Подъ гнетомъ думъ, ночной порою.
И мнѣ по твоему пути
Пришлось бы, можетъ быть, идти,
Но я избралъ иную долю...

Эта поэма можетъ быть больше всего, что̀ раньше было написано Никитинымъ, обратила на него вниманіе критики. Наиболѣе лестный отзывъ о ней былъ сдѣланъ Я. К. Гротомъ въ засѣданіи академіи наукъ. Кромѣ художественныхъ достоинствъ поэмы, выразившихся въ прекрасныхъ описаніяхъ природы и изображеніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ: Лукича, его жены и дочери, Саши, Я. К. Гротъ указалъ на нравственную идею, которою проникнуто все произведеніе: испорченность натуры человѣка зависитъ отъ несчастныхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ былъ поставленъ судьбою. Но и въ самомъ паденіи человѣкъ не теряетъ нѣкоторыхъ проблесковъ добра, которые вызываютъ сочувствіе къ его несчастію. Такимъ сочувствіемъ проникнута вся поэма Никитина. Нѣкоторые критики впрочемъ упрекали автора за идеализацію такой личности, какъ Лукичъ; но во всякомъ случаѣ «Кулакъ» имѣлъ большой успѣхъ (вся поэма разо-

шласъ впродолженіи одного года) и окончательно утвердила за Никитинымъ прочное мѣсто въ нашей литературѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ заканчивается первый періодъ литературной дѣятельности Никитина, начавшійся при такихъ благопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Эти четыре года (1853—57) были годами его духовнаго возрожденія и усиленной литературной дѣятельности, которая вознаградила его за то жалкое и темное существованіе, которое онъ велъ до тѣхъ поръ.

III.

Книжный магазинъ.

Заботы объ устройствѣ положенія.—Открытіе книжнаго магазина.—Никитинъ-книгопродавецъ.—Борьба съ друзьями за книжный магазинъ.—Смерть Придорогина.—Популярность книжнаго магазина Никитина въ Воронежѣ.—Упадокъ литературной дѣятельности Никитина.—Второе изданіе сочиненій.—Поѣздка въ Москву и Петербургъ.

Не смотря на извѣстность и популярность, которыхъ Никитинъ достигъ, какъ поэтъ, его положеніе было всетаки тягостнымъ; по профессіи онъ по прежнему оставался «дворникомъ» и обязанъ былъ ежедневно погружаться въ бездну мелочныхъ и грязныхъ заботъ, доставлявшихъ ему постоянныя огорченія. Кружокъ образованныхъ людей, принадлежавшихъ къ лучшему воронежскому обществу, принялъ его, какъ равнаго, а между тѣмъ грубая проза жизни всегда напоминала поэту-дворнику пословицу о томъ, что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ. Необходимо было устроить какъ нибудь свое положеніе иначе. Въ 1858 г. послѣ изданія «Кулака» у Никитина образовался маленькій капиталъ тысячъ около двухъ. Съ такими деньгами уже можно было подумать о томъ, чтобы взяться за какое либо предпріятіе, которое дало бы возможность бросить наконецъ дворническую жизнь. Никитинъ остановился на мысли—открыть собственный книжный магазинъ. Этотъ планъ одобрили и друзья Никитина: Де-Пуле, Милашевичъ и Курбатовъ, которые также принимали участіе въ совѣтѣ. Но такъ какъ бывшихъ въ наличности денегъ для этого было недостаточно, то пришлось прибѣг-

нуть къ займу. По совѣту тѣхъ же лицъ и послѣ долгихъ колебаній Никитинъ рѣшилъ наконецъ черезъ посредство Второва обратиться къ извѣстному В. А. Кокореву, который хотя не зналъ Никитина лично, но былъ хорошо знакомъ со Второвымъ и не разъ уже высказывалъ теплое участіе къ судьбѣ поэта-дворника. Такимъ образомъ весь этотъ планъ былъ представленъ на окончательное рѣшеніе Второва и Придорогина, бывшихъ тогда въ Петербургѣ. Кажется, оба они мало сочувствовали такому проэкту и, какъ увидимъ дальше, имѣли свои основанія; но во всякомъ случаѣ просьба Никитина была исполнена и все устроилось для него такъ, какъ только онъ могъ желать. Второвъ писалъ Никитину, что Кокоревъ охотно даетъ ему три тысячи, а чтобы этотъ долгъ не тяготилъ его, предлагаетъ издать полное собраніе его сочиненій и вырученными деньгами покрыть долгъ. Никитинъ былъ въ восторгѣ отъ такого благопріятнаго оборота дѣлъ.

«Ура, мои друзья!—пишетъ онъ Второву послѣ полученія его письма:—Прощай, постоялый дворъ! Прощайте, пьяныя пѣсни извозчиковъ! Прощайте, толки объ овсѣ и сѣнѣ! И ты, старушка Маланья, будившая меня до разсвѣта вопросомъ: вотъ въ такомъ то или такомъ горшкѣ варить горохъ, потому что на дворъ пріѣхало вотъ столько-то извозчиковъ?—прощай, моя милая! Довольно вы всѣ унесли у меня здоровья и попортили крови! Ура, мои друзья! Я плачу отъ радости...»

Въ такомъ же восторженномъ тонѣ Никитинъ благодаритъ и Кокорева, оказавшаго такое дружеское участіе къ нему:

«Помощь, которую вы мнѣ оказываете, не простое участіе, не мимолетное состраданіе къ тяжелому положенію другого лица, нѣтъ! это въ высшей степени живительная сила, которое обновляетъ все мое существованіе. До тѣхъ поръ я былъ страдательнымъ нулемъ въ средѣ моихъ гражданъ, теперь вы выводите меня на дорогу, гдѣ мнѣ представляется возможность честной и полезной дѣятельности, вы поднимаете меня какъ гражданина и какъ человѣка».

Не смотря на нервическій паѳосъ этихъ писемъ, здѣсь видна искренняя радость человѣка, долго находившагося въ тискахъ нужды, измученнаго, изболѣвшагося, которому наконецъ дали возможность вздохнуть свободнѣй. Заговорило естественное желаніе составить себѣ нѣкоторое общественное положеніе, стать *наравнѣ съ тѣми купцами*, отъ которыхъ прежде приходилось

переносить не мало униженій. Проснулся, можетъ быть, и врожденный торгашескій инстинктъ, чего въ особенности боялись за Никитина его идеалисты-друзья, вродѣ Придорогина, хотя имъ выставлялись совсѣмъ другія цѣли: въ своемъ книжномъ магазинѣ Никитинъ видѣлъ чуть не дѣло общественнаго служенія!

На первыхъ порахъ устройство книжнаго магазина доставило много хлопотъ Никитину: нужно было найти помѣщеніе, составить каталоги, выписать книги и письменныя принадлежности и прочее, и прочее. Здоровье Никитина въ это время было очень плохо, и вся эта масса мелкихъ заботъ его очень волновала и тревожила. Наконецъ все было устроено, книги куплены въ Петербургѣ Курбатовымъ, который сдѣлался компаньономъ Никитина по магазину; въ началѣ 1859 г. магазинъ былъ открытъ и тотчасъ же привлекъ къ себѣ многочисленную публику: всѣмъ интересно было взглянуть на его хозяина, котораго знали уже, какъ поэта. Впрочемъ людей, которые въ своемъ наивномъ воображеніи ожидали найти въ Никитинѣ существо необыкновенное, отмѣченное особой печатью, у котораго

Всегда восторженная рѣчь
И кудри черныя до плечъ,—

постигло разочарованіе: предъ публикой стояло «существо сухое, какъ скелетъ, существо весьма не любезное, раздражительное, съ рѣзкими и отчасти грубыми манерами», словомъ, весьма прозаическое.

Сдѣлавшись хозяиномъ магазина, Никитинъ съ увлеченіемъ, доходившимъ до страсти, предался торговлѣ. Теперь онъ чувствовалъ себя въ своей настоящей сферѣ.—«Только теперь,— говорилъ онъ,—идя по улицѣ, я смѣло смотрю всѣмъ въ глаза, потому что знаю, что дѣлаю дѣло. А прежде что? Кто же у насъ стихи считаетъ дѣломъ!» На магазинъ уходило все—и здоровье, и деньги. Онъ отказывалъ себѣ даже въ самомъ необходимомъ комфортѣ, котораго требовало его здоровье, чтобы не тратить деньги «на глупости», какъ онъ выражался. Такое отношеніе къ дѣлу сильно озабочивало друзей Никитина, боявшихся, чтобы торговля не убила въ немъ поэта. Больше всѣхъ конечно волновался за него Придорогинъ, который къ этому времени прибылъ въ Воронежъ. Уже самая мысль Никитина заняться торговлей нашла въ немъ энергичнаго противника. Придорогинъ былъ убѣжденъ, что «не могутъ ужиться въ одномъ

человѣкѣ торгашъ и поэтъ: одно что-нибудь непремѣнно убьетъ другое...» Легко представить, какъ волновался онъ теперь, видя на дѣлѣ, что «его Савка», какъ онъ называлъ Никитина, обнаруживаетъ такія торгашескія наклонности. «Стоило только Никитину,—разсказываетъ Де-Пуле,—продать какую нибудь пачку конвертовъ или десть почтовой бумаги по цѣнѣ большей на 10 — 20%, допускаемыхъ для честнаго торговца, какъ—или дѣлалась сцена, слѣдовалъ упрекъ «въ отступленіи отъ началъ, разъ принятыхъ», или Придорогинъ летѣлъ ко мнѣ и печально провозглашалъ: «Пропалъ нашъ Савка, окончательно пропалъ! Торгашъ и кулакъ сталъ совершенный! Оттого и «Кулака» хорошо написалъ, что въ самомъ то въ немъ сидѣлъ кулакъ. Нѣтъ, этого нельзя допустить!» Этимъ впрочемъ дѣло не ограничивалось. Къ Второву писались письма за письмами съ горячими просьбами употребить свое вліяніе на Никитина и убѣдить его бросить торговлю, которую тотъ только что началъ.

Въ опасеніяхъ идеалиста-Придорогина была большая доля правды. Прежде всего здоровье Никитина въ это время было крайне плохо: почти весь 1859 г. онъ проболѣлъ и дошелъ до такого истощенія, что черезъ силу могъ ходить. Постоянныя заботы по торговлѣ еще больше разстраивали его. Вмѣстѣ съ тѣмъ выступили наружу худшія стороны натуры Никитина. Въ немъ развернулся мелочный и безпокойный духъ спекуляціи. Онъ отсталъ отъ всѣхъ и всего, сдѣлался желченъ и раздражителенъ, съ утра до ночи проводилъ въ своемъ магазинѣ, весь погруженный въ коммерческіе счеты, почти ничего не писалъ и не читалъ. Было отъ чего приходить въ ужасъ Придорогину! Даже Де-Пуле, склонный во всемъ оправдывать Никитина, сознается, что въ это время онъ былъ «не хорошъ и не симпатиченъ». Упреки близкихъ людей, ихъ сожалѣнья о постигшей его перемѣнѣ мучили Никитина. Особенно тяжело ему было получать ихъ отъ Второва, мнѣніемъ котораго онъ такъ дорожилъ. Въ своихъ письмахъ Никитинъ съ горечью оправдывается отъ обвиненій, которыя за глаза дѣлалъ ему Второвъ:

«Вы ставите меня въ разрядъ торгашей, которые ради пріобрѣтенія лишняго рубля не задумаются пожертвовать своею совѣстью и честью. Неужели, мой другъ, я упалъ такъ низко въ вашихъ глазахъ? Неужели я такъ скоро сдѣлался негодяемъ *изъ порядочнаго* человѣка? Если бы во мнѣ не было признаковъ

порядочности, я увѣренъ, вы не сошлись бы со мной такъ близко... Грустное превращеніе! Вотъ къ чему меня привело открытіе книжнаго магазина! Итакъ, мои слова: пора мнѣ удалиться и отдохнуть отъ сценъ, обливающихъ мое сердце кровью,—были ложью; мое желаніе принести нѣкоторую долю пользы на избранномъ мною поприщѣ—было ложью; моя любовь къ труду безукоризненному и благородному — были ложью... Неужели, мой другъ, все это справедливо?»

Встревоженный извѣстіями Придорогина о плохомъ состояніи здоровья Никитина, Второвъ совѣтовалъ ему, продавши магазинъ, купить хуторокъ и жить въ деревенской тиши. Никитинъ отвѣчаетъ на этотъ проэктъ, что для исполненія его нужно имѣть больше денегъ, чѣмъ онъ могъ бы выручить отъ продажи своего магазина и что хозяйничанье въ деревнѣ напомнило бы ему ту непріятную возню на постояломъ дворѣ, отъ которой онъ нашелъ спасеніе въ своемъ магазинѣ. Самый серьезный упрекъ, который дѣлался Никитину, былъ тотъ, что онъ совершенно оставилъ писательство. «Что касается моего молчанія,—отвѣчаетъ онъ,—моего бездѣйствія, которое, по вашимъ словамъ, губитъ мое дарованіе (если оно впрочемъ есть), вотъ мой отвѣтъ: я похожъ на скелетъ, обтянутый кожей, а вы хотите, чтобы я писалъ стихи! Могу ли я вдуматься въ предметъ и овладѣть имъ, когда меня утомляетъ двухчасовое серьезное чтеніе? Нѣтъ, мой другъ, сперва надобно освободиться отъ болѣзни, до того продолжительной и упорной, что иногда жизнь становится не милою, и тогда уже браться за стихи. Писать ихъ конечно легко; печатать—благодаря множеству новыхъ журналовъ, еще легче; но вотъ что скверно, если послѣ придется краснѣть за строки, подъ которыми увидишь свое имя».

Такимъ образомъ Никитину удалось отстоять свое дѣтище—книжный магазинъ. Главнымъ противникомъ его въ этой борьбѣ, какъ мы видѣли, былъ Придорогинъ. Несомнѣнно, что намѣренія, заставлявшія его такъ горячо ратовать противъ магазина, были самыя хорошія: онъ боялся, что въ тинѣ торговли погибнетъ дарованіе Никитина, которымъ онъ такъ восхищался, что его другъ, его «милый Савка» обратится въ прозаическаго кулака. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Придорогинъ обнаружилъ себя розовымъ идеалистомъ, неспособнымъ мириться съ грубой прозой жизни, къ которой такъ близокъ былъ Ники-

тинъ и по своему происхожденію, и по положенію. Это были двѣ крайности, которыя однако сблизила искренняя дружеская связь. Послѣ Второва, больше всѣхъ членовъ воронежскаго кружка имѣлъ вліяніе на Никитина Придорогинъ. Такіе люди, какъ онъ, сами обыкновенно непрактичные, съ трудомъ пристроивающіеся къ какому либо дѣлу, вносили въ жизнь другихъ людей чувство и иниціативу, заставляли вспомнить о томъ, что выше дѣйствительности—объ идеалахъ. Теперь—это уже исчезнувшій типъ добраго стараго времени, произведеніе литературныхъ и философскихъ идей 40 гг. Придорогинъ внезапно умеръ осенью 1859 г. Эта смерть была тяжелой утратой для Никитина. «Теперь въ Воронежѣ меньше однимъ изъ самыхъ лучшихъ людей,—пишетъ онъ Второву:—Я хорошо зналъ моего друга, зналъ его горячую любовь къ добру, любовь ко всему прекрасному и высокому, его ненависть ко всякой пошлости и произволу и—что же? Какой плодъ принесло ему все это въ жизни? Увы! Жизнь ничѣмъ его не вознаградила, ничего не дала ему кромѣ печали,—и страдалецъ умеръ съ полнымъ сознаніемъ, что самъ онъ не зналъ, зачѣмъ жилъ».

Горькое сознаніе безцѣльности жизни дѣйствительно мучило Придорогина, что̀ высказано имъ въ слѣдующей стихотворной характеристикѣ, сдѣланной незадолго до смерти:

Вся жизнь моя прошла безплодно;
Я цѣлый вѣкъ не жилъ—мечталъ.
Я не трудился, но другихъ свободно
За лѣнь и праздность укорялъ.
Я иногда брался за дѣло,
Казалось, я любилъ его;
За все я принимался смѣло
И не кончалъ я ничего...

Многихъ огорченій, какъ мы уже видѣли, стоило Никитину открытіе книжнаго магазина. Скоро однако дѣла его пошли такъ хорошо, что Никитинъ могъ радоваться успѣху своего предпріятія, хотя, по привычкѣ всѣхъ торговцевъ, и жаловался постоянно на плохія обстоятельства. Магазинъ сдѣлался популярнымъ среди воронежской публики. Сюда заходили не только за дѣломъ, чтобы купить что-нибудь, но и просто для того, чтобы потолковать съ хозяиномъ о разныхъ разностяхъ: о *литературныхъ новостяхъ*, о вопросахъ дня и пр. Нужно вспомнить,

что это было время особеннаго оживленія общественной жизни, вызваннаго подготовлявшимися тогда реформами императора Александра II. Новые общественные вопросы, поставленные этими реформами, были всеобщей злобой дня, о которой вездѣ говорили, спорили, высказывали восторгъ или опасеніе. Магазинъ Никитина сдѣлался своего рода литературнымъ клубомъ, куда собирались самые разнородные элементы общества. отъ низшихъ до высшихъ. Навѣщалъ его между прочимъ и новый воронежскій губернаторъ, гр. Д. Н. Толстой, какъ извѣстно, давнишній знакомый Никитина и первый издатель его сочиненій. Никитинъ былъ доволенъ, видя такое общее вниманіе къ себѣ, въ то же время былъ не въ накладѣ и какъ купецъ, получая значительную выручку отъ продажи. Стоя за прилавкомъ своего магазина, онъ могъ съ чувствомъ самодовольства думать о себѣ то, что однажды высказалъ въ письмѣ къ Второву: «Вотъ ты былъ дворникъ, жилъ въ грязи, слушалъ брань извозчиковъ; теперь ты хозяинъ порядочнаго магазина, всегда въ кругу порядочныхъ людей...» Весь доходъ съ постоялаго двора теперь получалъ отецъ Никитина, который, нужно замѣтить кстати, хотя и называлъ теперь сына «первостатейнымъ купцомъ», но, подгулявши, по прежнему набрасывался на него съ упреками: «Черезъ кого пошелъ ты въ люди и сталъ хозяиномъ?»

Новая жизнь, постоянное погруженіе въ меркантильные интересы магазина, къ которымъ Никитинъ относился съ такимъ увлеченіемъ, само собой разумѣется не благопріятствовали литературной производительности. Дѣйствительно, 1859 годъ— годъ открытія магазина—былъ самымъ бѣднымъ въ литературной дѣятельности Никитина. Правда, причиной этого могло быть и его крайне болѣзненное состояніе въ этомъ году. Біографъ Никитина и его восторженный (но не всегда безпристрастный) почитатель, М. Ѳ. Де-Пуле, говоритъ объ «изумительномъ ростѣ» въ послѣдніе три года жизни духовныхъ и литературныхъ силъ поэта. Но этотъ ростъ ничѣмъ однако не выразился. Напротивъ, можно сказать, что изданіе «Кулака» въ концѣ 1857 г. было кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи таланта Никитина. Дальше начинается если не упадокъ, то по крайней мѣрѣ ослабленіе литературной дѣятельности. Понять это довольно легко. Въ первые годы послѣ выступленія на литературное поприще Никитинъ находился подъ вліяніемъ кружка, который всегда

поддерживалъ въ немъ умственные интересы, не давалъ заглохнуть лучшимъ, болѣе благороднымъ и высокимъ стремленіямъ, которыя проза и грязь окружавшей его жизни всегда готовы были поглотить. Мы видѣли, какъ ревниво оберегали эти задатки въ Никитинѣ Второвъ и Придорогинъ въ моментъ открытія книжнаго магазина. Вліяніе, даже умственная опека кружка Второва надъ Никитинымъ несомнѣнно были очень сильны и благотворны для него. Тѣ дружескія, чуждыя мысли о неравенствѣ, отношенія, въ которыхъ находились къ Никитину Второвъ, Придорогинъ, Де-Пуле и др., нисколько не противорѣчатъ этому: авторитетъ ихъ, помимо воли можетъ быть, создавался самъ собой въ силу неодинаковаго умственнаго развитія и наконецъ самого общественнаго положенія этихъ лицъ и поэта-дворника. Говорить поэтому о полной умственной самостоятельности Никитина, вышедшаго въ свѣтъ съ ничтожнымъ развитіемъ, вынесеннымъ послѣ двухъ классовъ семинаріи, и знаніемъ жизни, почерпнутымъ на постояломъ дворѣ, невозможно. Вотъ почему четыре года, проведенные Никитинымъ среди кружка, были лучшими годами въ его поэтической дѣятельности. Подъ вліяніемъ первыхъ успѣховъ и при заботливой поддержкѣ просвѣщенныхъ друзей, въ Никитинѣ укрѣпилось сознаніе своего дарованія и теперь, не гонясь за лаврами другихъ поэтовъ, которымъ онъ вначалѣ сталъ подражать, онъ беретъ темы для своихъ стихотвореній изъ той сферы, которая ему близка и хорошо знакома. Но прошли эти годы и воронежскій кружокъ распался. Людей, имѣвшихъ такое хорошее вліяніе на жизнь Никитина, не стало: однихъ не было въ живыхъ, другіе были далеко. Въ жизни поэта-мѣщанина произошелъ новый переворотъ: онъ сдѣлался болѣе самостоятельнымъ, достигъ матеріальнаго довольства, сталъ «первостатейнымъ купцомъ», но... предсказаніе Придорогина: «не могутъ ужиться въ одномъ человѣкѣ торгашъ и поэтъ—одно что-нибудь непремѣнно убьетъ другое», въ значительной мѣрѣ исполнилось: торгашъ началъ брать перевѣсъ надъ поэтомъ. Умственная энергія тратилась на коммерческіе разсчеты, сила и свѣжесть чувства подавлялись мелочными и прозаическими заботами о барышѣ. Прежній Никитинъ, воспитанникъ Бѣлинскаго, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на «грязь дѣйствительности», отъ которой онъ тщательно сберегалъ свой поэтическій даръ, недававшій *ему покоя на грязномъ* постояломъ дворѣ, среди извозчиковъ.

Никитинъ-купецъ уже свысока смотритъ на свою литературную дѣятельность, которую прежде онъ считалъ такимъ высокимъ призваніемъ. Въ это время онъ занимался пересмотромъ своихъ произведеній для второго изданія, предпринятаго Кокоревымъ подъ редакціей Второва. «Признаюсь вамъ,—пишетъ онъ Второву,—я почти ничѣмъ не доволенъ: что ни прочитаю—все кажется риторикой. Грустно! видитъ Богъ, многое писалось отъ души». На совѣтъ Второва выставлять года подъ стихотвореніями, чтобы можно было слѣдить за развитіемъ таланта, Никитинъ скептически восклицаетъ: «Боже сохрани! Гдѣ оно, это развитіе? Все суета-суетъ! Если я въ самомъ дѣлѣ подвинулся сколько-нибудь впередъ, замѣтятъ и безъ цифръ».

Къ лѣту 1860 г. здоровье Никитина поправилось, и онъ рѣшился наконецъ совершить давно задуманную поѣздку въ Москву и Петербургъ. Цѣль поѣздки была—завести сношенія со столичными книгопродавцами; хотѣлось кромѣ того увидѣть Второва, который давно уже звалъ Никитина въ надеждѣ, что это путешествіе освѣжитъ его и возбудитъ въ немъ новую умственную энергію. Второвъ хотѣлъ познакомить Никитина съ петербургскими литераторами. Путешествіе хорошо подѣйствовало на Никитина, всю жизнь почти безвыѣздно прожившаго въ Воронежѣ. Это было въ то «доброе старое время», когда желѣзныхъ дорогъ съ ихъ чудодѣйственной силой переносить человѣка впродолженіи нѣсколькихъ часовъ за сотни верстъ еще почти не существовало, и единственный способъ передвиженія былъ на перекладныхъ. Однако литературныхъ знакомствъ, какъ предполагалъ Второвъ, никакихъ не состоялось. И въ путевыхъ письмахъ къ Де-Пуле, гдѣ Никитинъ подробно разсказываетъ, сколько и гдѣ съ него взяли «на водку» ямщики, сколько онъ заплатилъ за перетяжку колесъ («3 р. 90 к., въ Воронежѣ они стоили бы не болѣе 75 к.!»), и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, гдѣ Никитинъ больше всего былъ занятъ своими дѣлами по книжной торговлѣ,—виденъ человѣкъ, всецѣло погруженный въ заботы о рублѣ. Когда, по возвращеніи Никитина въ Воронежъ, знакомые спрашивали его, познакомился-ли онъ съ столичными литераторами, Никитинъ отвѣчалъ: «Съ какими литераторами? Что мнѣ въ нихъ и что имъ во мнѣ?»

Къ пребыванію Никитина въ Петербургѣ относится и прилагаемый при этой біографіи его портретъ. Трудно найти болѣе

суровое выраженіе, чѣмъ выраженіе этихъ большихъ, проницательныхъ глазъ на исхудаломъ, болѣзненномъ лицѣ. Кажется будто тихія, ясныя грезы никогда не посѣщали душу этого человѣка, такъ сосредоточенно погрузившагося въ какую-то мрачную думу.

IV.

Годъ самостоятельности.

Душевный переломъ въ Никитинѣ.—Его отношенія къ литературѣ и вопросамъ современности.—Стихотворенія: «Поэту-обличителю» и «Разговоры».—Интеллигентъ-самоучка.—Послѣдняя вспышка литературной дѣятельности.—«Дневникъ семинариста».—Романъ въ письмахъ.

Въ 1860 г. Никитину было уже 35 лѣтъ. Можно сказать, что только къ этому времени его жизненное положеніе вполнѣ опредѣлилось и онъ сдѣлался человѣкомъ самостоятельнымъ. Та пора, когда человѣкъ колеблется въ выборѣ себѣ пути, не зная, къ какому берегу онъ въ концѣ концовъ причалитъ, уже прошла. Начался періодъ устойчивости и душевнаго равновѣсія, который впрочемъ для Никитина оказался слишкомъ короткимъ: осенью слѣдующаго года его уже не стало.

Мы говорили уже, что вмѣстѣ съ самостоятельностью, которой достигъ Никитинъ, сдѣлавшись владѣльцемъ книжнаго магазина, въ немъ начинается упадокъ литературной дѣятельности. Въ понятіяхъ и вкусахъ поэта-мѣщанина совершается замѣтный переворотъ. Въ то время, когда Никитинъ на постояломъ дворѣ «слагалъ свой скромный стихъ, просившійся изъ сердца», робко мечтая о писательствѣ, оно представлялось ему такимъ высокимъ призваніемъ, которому онъ считалъ за великое счастье посвятить себя. И вотъ уже изъ приведенныхъ выше отрывковъ его писемъ къ Второву мы видимъ, съ какимъ скептицизмомъ онъ относится теперь къ этому высокому «призванію». Прежній восторженный поклонникъ Бѣлинскаго теперь съ какимъ-то брюзгливымъ пренебреженіемъ отворачивается отъ литературы, *видитъ* въ ней только «пустоту и фальшь». Особенно пугало Ни*китина кажется* то отрицательное направленіе, которое пре-

обладало въ нашей литературѣ въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ. Онъ не понялъ, насколько глубокіе корни это направленіе имѣло въ самой жизни и какъ естественно оно было въ то время, и, что называется, махнулъ на него рукой. Журналовъ тогдашнихъ, разсказываетъ Де-Пуле, Никитинъ терпѣть не могъ. «Все ложь и мерзость!» говорилъ онъ. Трудно объяснить это идеализмомъ, тѣмъ, что «разбивались кумиры, утрачивалась вѣра въ силу и значеніе литературы»—для этого нѣтъ никакого основанія. Правда, идеализмъ, который витаетъ выше дѣйствительности и потому всегда остается безъ твердой почвы, отличается способностью «сжигать то, чему поклонялся», переходить изъ одной крайности въ другую. Но въ Никитинѣ, не смотря на его воспитаніе въ духѣ отвлеченныхъ теорій 40 годовъ, было слишкомъ много природной умственной трезвости и практичности, чтобы объяснять такой переворотъ идеализмомъ.

Еслибы идеалистъ - Бѣлинскій дожилъ до 60-хъ годовъ, онъ навѣрное многому порадовался - бы изъ того, что совершалось тогда въ нашей литературѣ и жизни. Очевидно, что причина такой перемѣны во взглядахъ Никитина была другая. Проза жизни взяла верхъ надъ всѣмъ; случилось то, что предвидѣлъ и самъ Никитинъ, когда въ одномъ письмѣ къ Второву высказывалъ опасеніе, что ему придется «ожесточиться и очерствѣть». Та суровая жизненная школа, которую прошелъ поэтъ-мѣщанинъ, выработала изъ него тяжкодума, сурово и прозаически смотрящаго на жизнь, съ недовѣріемъ относящагося ко всякимъ смѣлымъ надеждамъ и высокимъ порывамъ, ко всему, что не приноситъ осязательной практической пользы. Мѣщанинъ, даже отчасти кулакъ, «торговый человѣкъ» въ концѣ концовъ всетаки сказался въ Никитинѣ.

Ярче всего этотъ переворотъ въ Никитинѣ выразился въ слѣдующемъ фактѣ. Весной 1860 г. въ Воронежѣ былъ устроенъ литературный вечеръ въ пользу литературнаго фонда. Никитинъ выступилъ здѣсь съ стихотвореніемъ «Поэту-обличителю», которое начинается такъ:

> Обличитель чужого разврата,
> Проповѣдникъ святой чистоты,
> Ты, что камень на падшаго брата
> Поднимаешь, — сойди съ высоты!

Все это стихотвореніе было направлено противъ Некрасова, которому такъ горячо сочувствовалъ раньше Никитинъ («Некрасовъ у меня есть, не утерпѣлъ, добылъ. Да ужъ какъ же я его люблю!» писалъ онъ въ 1857 г.). Все неприличіе и грубость этой выходки заключается въ томъ, что стихотвореніе было направлено не на литературную дѣятельность Некрасова, а на его личность и частную жизнь, которую Никитинъ громитъ по поводу какихъ-то слуховъ, дошедшихъ до него, какъ объясняетъ Де-Пуле.

Твоя жизнь, какъ и наша, безплодна,
Лицемѣрна, пуста и пошла...
Ты не понялъ печали народной,
Не оплакалъ ты горькаго зла.
Нищій духомъ и словомъ богатый,
По наслышкѣ о всемъ ты поешь,
И безстыдно похвалъ ждешь, какъ платы,
За свою всенародную ложь... и т. д.

Любопытно для характеристики тогдашняго настроенія умовъ, что это стихотвореніе было восторженно встрѣчено публикой. Никитинъ по вызову долженъ былъ его повторить.

Въ такое же отрицательное отношеніе Никитинъ становится и къ другимъ сторонамъ тогдашней жизни. Какъ человѣкъ, самъ вышедшій изъ простого народа, онъ конечно не могъ не сочувствовать освобожденію крестьянъ и день 19-го февраля встрѣтилъ съ восторгомъ. Но это кажется и все, чему онъ сочувствовалъ. Къ другимъ вопросамъ, выдвинутымъ жизнью, онъ относится съ недовѣріемъ или прямо со злобой. Достаточно просмотрѣть только его произведенія послѣднихъ годовъ жизни, чтобы убѣдиться въ этомъ. Симпатичными чертами у него рисуется только «нашъ бѣдный труженикъ - народъ, несущій крестъ свой терпѣливо»; все, что̀ касается его, Никитинъ близко принимаетъ къ сердцу. Во всемъ остальномъ онъ видитъ только «развратъ души, развратъ ума и лѣнь, и мелочность, и тьму». Въ стихотвореніи «Разговоры», въ свое время надѣлавшемъ много шуму, Никитинъ съ ироніей говоритъ о порывахъ интеллигенціи:

Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка
И печаль за другихъ
Глубока, глубока!

А приходитъ пора
Добрый подвигъ начать—
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять.
Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возьметъ;
А слова... на словахъ
Соколиный полетъ!

Въ томъ же духѣ, только болѣе рѣзко, онъ пишетъ и Второву: «Тошно слушать эти заученные возгласы о гласности, добрѣ, правдѣ и прочихъ прелестяхъ. Царь ты мой небесный! Исключите два-три человѣка, у остальныхъ въ перспективѣ карманныя блага, хорошій обѣдъ, вкусное вино etc. etc. А знаете, я прихожу къ убѣжденію, что мы—преподленькіе люди, едва-ли способные на какой либо серьезный, обдуманный, требующій терпѣнія и самопожертвованія трудъ. Право такъ!»

Исключить, какъ извѣстно, пришлось не двухъ - трехъ, а многихъ благородныхъ и честныхъ дѣятелей, взявшихъ на себя тяжелую задачу проведенія въ жизнь великихъ реформъ императора Александра Николаевича. Но для насъ интересны эти отзывы Никитина, стихотворные и прозаическіе, для характеристики самой личности поэта-мѣщанина и его міровоззрѣнія. Въ общественномъ движеніи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ конечно было много незрѣлаго, даже уродливаго — отрицательные типы того времени много разъ выводились въ нашей литературѣ; но видѣть въ немъ только «развратъ души, развратъ ума» и не замѣчать, сколько въ тогдашнемъ общественномъ энтузіазмѣ было молодого, живого и хорошаго — это доказываетъ только слишкомъ большую узкость взгляда. Не надо забывать, что при несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи и наблюдательности Никитину не доставало правильнаго и широкаго образованія. Если подвести итогъ всему, что̀ дала ему школа, то окажется, что кромѣ кое-какихъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя онъ могъ вынести изъ семинаріи, да смутныхъ идей о великомъ и благотворномъ вліяніи науки и литературы, — больше ничего не дала. Съ такимъ небольшимъ умственнымъ капиталомъ Никитинъ выступилъ на литературное поприще. Правда, съ тѣхъ поръ его развитіе сдѣлало большой шагъ впередъ: онъ много и серьезно читалъ, прислушивался къ разговорамъ образованныхъ

людей, среди которыхъ вращался; но это развитіе происходило въ слишкомъ узкой сферѣ провинціальной жизни. Въ концѣ концовъ изъ него выработался интеллигентный самоучка, вышедшій изъ простого народа, запертый въ такомъ узкомъ кругу мѣщанско-торгашеской жизни, въ которомъ ему было душно и тѣсно, но выбиться изъ него совершенно ему не пришлось.

Кромѣ поѣздки въ Москву и Петербургъ, о которой мы уже говорили, 60-й годъ ничѣмъ особеннымъ въ жизни Никитина не ознаменовался. Въ этомъ году среди нѣсколькихъ мѣстныхъ литераторовъ явилась мысль объ изданіи литературнаго сборника подъ заглавіемъ «Воронежская Бесѣда». Средства для этого были предоставлены однимъ изъ преподавателей корпуса, П. П. Глотовымъ, а редакторство принялъ на себя М. Ѳ. Де-Пуле. Вокругъ него образовался новый литературный кружокъ, который кромѣ Никитина, составляли: И. И. Зиновьевъ, А. С. Суворинъ и Н. Н. Чеботаревскій. Въ Никитинѣ снова ожилъ литераторъ, хотя это была послѣдняя вспышка. Онъ съ увлеченіемъ взялся написать для «Воронежской Бесѣды» большую повѣсть изъ семинарской жизни. Впрочемъ этотъ замыселъ не былъ исполненъ—помѣшали дѣла по торговлѣ и болѣзнь, и вмѣсто повѣсти Никитинъ долженъ былъ ограничиться очерками, которые онъ назвалъ «Дневникомъ семинариста». Эти очерки имѣютъ большой автобіографическій интересъ. Они носятъ сильно субъективный характеръ, чему много способствуетъ самая форма ихъ въ видѣ дневника. Никитинъ очевидно разсказываетъ здѣсь собственную повѣсть жизни, а многія сцены и лица кажется списаны прямо съ натуры. «Дневникъ» ведется отъ лица семинариста Бѣлозерскаго, который описываетъ свои впечатлѣнія. Бѣлозерскій — это хорошая, но пассивная и уже порядочно забитая воспитаніемъ натура, уже въ молодые годы прошедшая школу терпѣнія. «Терпѣніе и терпѣніе! пишетъ онъ.—Объ этомъ говорятъ мнѣ не только окружающіе меня люди, но книги и тетрадки, которыя я учу наизусть, и кажется самыя стѣны, въ которыхъ я живу». Зубристика не убила въ немъ однако способность разсуждать самостоятельно; онъ критически смотритъ вокругъ себя, на свою науку, профессоровъ и товарищей, порывается въ университетъ, куда увлекаетъ его другъ, Яблочкинъ, но твердо идти къ цѣли, бороться съ препятствіями не способенъ. Бѣлозерскій безъ ропота подчиняется волѣ священника-

отца, который требуетъ, чтобы сынъ «пребывалъ въ томъ званіи, изъ котораго вышелъ». Нѣкоторыми чертами все это напоминаетъ исторію самого автора «Дневника», его порывы къ другой жизни и, наконецъ, исторію выхода изъ семинаріи. Совершенно другой типъ представляетъ другъ Бѣлозерскаго, Яблочкинъ. Это смѣлый и независимый умъ, развившійся подъ вліяніемъ литературы, въ особенности Бѣлинскаго, которымъ зачитывались тогда семинаристы. Яблочкинъ не можетъ примириться съ семинарской схоластикой, хочетъ сознательно относиться ко всему, что̀ ему приходится учить, и пользуется за это репутаціей вреднаго вольнодумца. Завѣтная мысль Яблочкина — попасть въ университетъ, куда онъ готовъ дойти хоть пѣшкомъ; но добиться этой цѣли ему не пришлось: онъ умираетъ отъ чахотки. Что этотъ типъ не выдуманъ, а живой, видно на примѣрѣ Серебрянскаго. Да и самъ Никитинъ, какъ мы уже знаемъ, представляетъ продуктъ литературы 40-годовъ, вліяніе которой проникало даже въ запертыя стѣны дореформенной семинаріи. Но Яблочкинъ—единственное свѣтлое явленіе въ «Дневникѣ»; все остальное—и образованіе, и нравы семинаріи — Никитинъ изображаетъ въ мрачномъ видѣ. О сухости и пріемахъ семинарскаго образованія мы уже говорили; дополнимъ это одной характерной сценой экзамена изъ «Дневника семинариста».

«Ученики выходили по вызову другъ за другомъ. И вотъ одинъ, малый впрочемъ неглупый (относительно), замялся и сталъ въ тупикъ,

— Ну, что-жъ. Вотъ и дуракъ! Повтори, что̀ прочиталъ.

— Хотя творчество фантазіи, какъ свободное преобразованіе представленій, не стѣсняется необходимостью строго слѣдовать закону истины, однакожъ, показуясь представленіями, взятыми изъ дѣйствительности, оно тѣмъ самымъ примыкаетъ къ міру дѣйствительному. Оно только расширяетъ дѣйствительность до правдоподобія и возможности...

— Что ты разумѣешь подъ словомъ: «показуясь?»

— Слово: проявляясь.

— Ну, хорошо. Объясни, какъ это расширяется дѣйствительность до правдоподобія?

Ученикъ молчалъ.

— Ну, что-жъ ты молчишь?

— Забылъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ (профессоръ) двигалъ бровями, дѣлалъ ему какіе-то непонятные знаки рукой. Ничто не помогало. Не утерпѣлъ онъ—и слова два шепнулъ.

— Нѣтъ, что-жъ, подсказывать не надо.

— Вы напрасно затрудняетесь, сказалъ ученику одинъ изъ профессоровъ:—«Юрія Милославскаго» читали?

— Читалъ.

— Что-жъ тамъ? Дѣйствительность или правдоподобіе?

— Дѣйствительность.

— Почему вы такъ думаете?

— Это историческій романъ.

— Нѣтъ, чтожъ, дуракъ! Положительный дуракъ,—сказалъ отецъ ректоръ и махнулъ рукой.

Исторія въ этомъ родѣ повторялась со многими. Едва доходило дѣло до объясненій и примѣровъ, ученики становились втупикъ».

Это—наглядные результаты семинарской зубристики, которая забивала даже крѣпкія головы. Трудно было сохранить пріятныя воспоминанія о школѣ, отъ которой вѣетъ только холодомъ и сухостью, и неудивительно, что въ каждой строчкѣ «Дневника» сквозитъ антипатія его автора.

Эта литературная работа и душевныя волненія, которыя переживалъ Никитинъ отъ переживаемыхъ вмѣстѣ съ ней воспоминаній, дорого обошлись ему: онъ захворалъ. Послѣднюю сцену «Дневника», сцену смерти Яблочкина, Никитинъ прочелъ Де-Пуле въ своемъ книжномъ магазинѣ.

— Доканалъ меня проклятый семинаристъ, воскликнулъ онъ, приступая къ чтенію.

Съ первыхъ же словъ смертная блѣдность покрыла его лицо; глаза загорѣлись сухимъ пламенемъ; красныя пятна зардѣлись на щекахъ; голосъ дрожалъ, порывался и замеръ какъ-то страшно на словахъ:

«....О жизни поконченъ вопросъ...
Больше не нужно ни пѣсень, ни слезъ!»

Этими стихами оканчивается «Дневникъ семинариста».

Вопросъ о жизни дѣйствительно уже былъ почти поконченъ для Никитина. Болѣзнь медленно, но упорно подтачивала его силы, хотя крѣпкій отъ природы организмъ все еще боролся съ ней. Къ концу года здоровье его снова поправилось и Никитинъ

чувствовалъ себя довольно бодро. Явились планы перевести магазинъ въ новое и болѣе удобное помѣщеніе, предполагалось опять сдѣлать поѣздку въ столицы. Но этимъ планамъ однако не суждено было исполниться.

Мы видѣли уже, какъ сложилась вообще бѣдная событіями жизнь Никитина. Одинокое дѣтство въ богатой мѣщанской семьѣ съ самодуромъ отцомъ во главѣ; школа, въ которой открылась юношѣ смутная, но увлекательная перспектива, проснулась мысль и желаніе найти себѣ дорогу къ новой жизни, а не той, которой жили всѣ, кто его окружалъ. Затѣмъ—семейный кризисъ и вмѣстѣ кризисъ всѣмъ лучшимъ надеждамъ молодого человѣка. Вмѣсто университета пришлось очутиться на постояломъ дворѣ въ обществѣ извозчиковъ, переносить униженія бѣдности и зависимости отъ пьянаго отца, слышать его постоянные упреки: «А кто тебѣ далъ образованіе и вывелъ въ люди!», въ которыхъ было столько злой ироніи! Такъ прошли лучшіе годы молодости. Трудно въ такой атмосферѣ сохранить какую-нибудь искру таланта, не ожесточиться и не очерствѣть душою. Но эта искра все-таки тлѣлась и судьба наконецъ сжалилась надъ бѣднымъ поэтомъ-дворникомъ: быстрый успѣхъ, признаніе таланта, популярность—все это вдругъ освѣтило темную жизнь Никитина. Можно было радоваться и считать себя вознагражденнымъ за трудные годы жизни; но и это счастье заключало въ себѣ долю горечи. Съ этой поры жизнь Никитина какъ будто раздваивается: одной стороной онъ принадлежитъ интеллигентной части общества, живетъ ея интересами и долженъ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя ему предъявляются, какъ писателю; другой стороной—онъ дворникъ, обязанный для своего существованія ухаживать за извозчиками, отпускать имъ овесъ и сѣно, каждый день вступать съ кухаркой въ обсужденіе вопроса о томъ, въ какомъ горшкѣ варить щи и т. д. Такое положеніе не могло не тяготить Никитина. Нужно было устроить свою жизнь иначе, добиться самостоятельности и матеріальнаго довольства, стать на такую ступень общественной лѣстницы, гдѣ не пришлось бы испытывать постоянныхъ униженій. Наконецъ и это удается, хоть оплачивается дорогой цѣной: въ долгой борьбѣ съ жизнью приходится растратить «и чувства лучшія, и цвѣтъ своихъ стремленій», изсушить умъ и сердце. А кромѣ того мучительная болѣзнь отравляетъ даже лучшія минуты жизни, отъ времени до

времени напоминая о смерти. Все это отразилось на характерѣ Никитина, угрюмомъ и нелюдимомъ, и на его стихотвореніяхъ, въ которыхъ такъ много душу надрывающей тоски и совсѣмъ нѣтъ нотъ радости. «Я не сложилъ, не могъ сложить ни одной беззаботной, веселой пѣсни во всю мою жизнь», говоритъ самъ Никитинъ.

Едва ли можно найти другого поэта (кромѣ самыхъ отчаянныхъ пессимистовъ), который, начавши писать стихи еще въ молодости, могъ бы сдѣлать о себѣ такое горькое сознаніе, также какъ трудно найти другого человѣка, въ жизни котораго женщина занимала бы такъ мало мѣста, какъ въ жизни нашего поэта. Кажется никогда, даже въ молодые года, Никитинъ не испыталъ любви къ женщинѣ; ни одно изъ его стихотвореній не согрѣто этимъ чувствомъ, которое даетъ обыкновенно такъ много тэмъ для вдохновенія не только молодымъ, но иногда даже старымъ поэтамъ. Только теперь, къ концу жизни, Никитину проблеснуло это чувство—проблеснуло затѣмъ, чтобы освѣтить его «закатъ печальный» и погаснуть вмѣстѣ съ жизнью. Мы не можемъ пройти молчаніемъ въ біографіи Никитина эту исторію, хотя, собственно говоря, романа, т. е. любви со всѣми треволненіями, съ ея восторгами и муками, не было — было только зарождающееся чувство, которое отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть. Романъ Никитина почти весь заключается въ перепискѣ между нимъ и Н. А. М—ой, которая продолжалась больше года, прекратившись за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Никитина. По своему общественному положенію, эта особа принадлежала къ высшему провинціальному обществу. По всей вѣроятности Никитинъ познакомился съ ней въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ деревню, гдѣ онъ былъ знакомъ съ нѣсколькими помѣщичьими семействами. Объ отношеніяхъ Н. А. М—ой къ Никитину мы не можемъ судить, такъ какъ ея письма до насъ не дошли—Никитинъ сжегъ ихъ, умирая. Мы имѣемъ передъ собой только его 14 писемъ. По большей части—это переписка между двумя хорошими знакомыми, въ которой рѣчь идетъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ: о книгахъ, которыя Никитинъ рекомендуетъ Н. А. прочитать, о литературѣ вообще, о новостяхъ дня и т. д. Видно, что Никитинъ имѣлъ дѣло съ умной и серьезно развитой собесѣдницей, не подходящей подъ уровень обыкновенной свѣтской барышни. Этимъ дружескимъ обмѣномъ мыслей вначалѣ

и ограничивается содержаніе довольно обширныхъ писемъ Никитина. Тонъ ихъ вообще довольно прозаическій, а мѣстами даже грубоватый. Непріятное впечатлѣніе производятъ французскія фразы, которыми поэтъ-мѣщанинъ пересыпаетъ свои письма, видимо щеголяя этимъ предъ барышнею другого круга, и его потуги на юморъ, котораго вообще не было въ натурѣ Никитина. Весной 1861 г. Н. А. М—а пріѣзжала въ Воронежъ. Свиданіе съ ней оставило въ душѣ Никитина глубокое впечатлѣніе. Съ этихъ поръ въ его письмахъ часто прорываются уже другія, болѣе сердечныя, ноты.

«Вы уѣхали,—пишетъ онъ ей послѣ этой встрѣчи,—и въ жизни моей остался пробѣлъ; меня окружаетъ пустота, которую я не знаю,чѣмъ наполнить. Мнѣ кажется, я еще слышу вашъ голосъ, вижу вашу кроткую, привѣтливую улыбку, но, право, мнѣ отъ этого не легче: все это тѣнь ваша, а не вы сами. Какъ до сихъ поръ живы въ моей памяти—ясный солнечный день и эта длинная, покрытая пылью, улица и эта несносная, одѣтая въ темно-малиновый бурнусъ, дама, такъ некстати попавшаяся намъ на встрѣчу, и эти ворота, подлѣ которыхъ я стоялъ съ поникшей головой, чуждый всему, что вокругъ меня происходило,— видя только васъ одну и больше никого и ничего! Какъ не хотѣлось, какъ тяжело было мнѣ идти назадъ, чтобы приняться за свою хлопотливую, безтолковую работу, обратившись въ живую машину, безъ ума и безъ сердца. Какъ живо все это я помню!

На лицо твое солнечный свѣтъ упадалъ,
Ты со взоромъ поникшимъ стояла;
Крѣпко руку твою на прощаньи я жалъ,
На устахъ моихъ рѣчь замирала.
Я не могъ отъ тебя своихъ глазъ отвести.
Одна мысль, что намъ нужно разстаться,
Поглощала меня. Повторялъ я: «прости!»
И не могъ отъ тебя оторваться.
Понимала ли ты мое горе тогда?
Или только, какъ ангелъ прекрасна,
Покидала меня безъ нужды и труда,
Будто камень холодный, безстрастна?»...

Въ этомъ письмѣ уже цѣлая сердечная исповѣдь. Но понималъ ли самъ Никитинъ, къ чему могло привесть это зародившееся чувство къ дѣвушкѣ, которая можетъ быть отвѣчала ему

взаимностью, но по своему общественному положенію была такъ далека отъ него? И по лѣтамъ, и по своей натурѣ, въ которой было такъ много холоднаго и разсудочнаго, Никитинъ конечно не былъ способенъ настолько увлечься чувствомъ, чтобы забыть о той пропасти, которая раздѣляла его съ М—ой, и мечтать о счастьѣ съ любимой особой. А этого счастья такъ недоставало въ его одинокой жизни!

«Я содрагаюсь,—пишетъ онъ дальше,—когда оглядываюсь на пройденный мною безотрадный, длинный-длинный путь. Сколько на немъ я положилъ силы! А для чего? Къ чему вела эта борьба? Что я выигралъ впродолженіи многихъ годовъ, убивъ свое лучшее время, свою золотую молодость?.. Неужели на лицѣ моемъ только забота должна проводить морщины? Неужели оно должно окаменѣть съ своимъ холоднымъ, суровымъ выраженіемъ и остаться навсегда чуждымъ улыбкѣ счастья? Кажется это такъ и будетъ. Съ разбитой грудью какъ-то неловко, неблагоразумно мечтать о красныхъ дняхъ. А какъ будто, на зло всему, съ мечтами трудно разстаться. Такъ колодникъ до послѣдней минуты казни не покидаетъ надежды на свободу; такъ умирающій въ чахоткѣ вѣритъ въ свое выздоровленіе. Тотъ и другой ждутъ чуда; но чудеса въ наше время невозможны. Жизнь не измѣняетъ своего естественнаго хода, и если кому случится попасть подъ ея тяжелый жерновъ, она спокойно закончитъ свое дѣло, обративъ въ порошокъ плоть и кости своей жертвы».

«Теперь вопросъ: зачѣмъ я писалъ вамъ эти строки? Но будьте немножко внимательны: у меня нѣтъ любимой сестры, на колѣни которой я могъ бы склонить мою голову, милыя руки которой я могъ бы покрыть, въ тяжелую для меня минуту, поцѣлуями и облить слезами. Что-жъ, представьте себѣ, что вы моя нѣжная, моя дорогая сестра, и вы меня поймете. Не то назовите все это пустяками, увлеченіемъ впечатлительной, но не совсѣмъ разумной натуры и тому подобное... Cela dépendra de vous. Je ferai tout ce que vous m'ordonnerez... такъ сказано, не помню, въ какомъ-то романѣ».

Никитинъ надѣялся увидѣться съ М—ой лѣтомъ въ деревнѣ, куда она приглашала его пріѣхать. Но этимъ надеждамъ не пришлось осуществиться: весной онъ заболѣлъ и на этотъ разъ уже смертельной болѣзнью. Переписка прекратилась за три мѣсяца до смерти Никитина; послѣднія его письма становятся уже

короткими и сухими. Передъ смертью онъ имѣлъ возможность убѣдиться въ силѣ характера и великодушіи Н. А. М—ой: узнавъ, что Никитинъ умираетъ почти одинокій на своемъ постояломъ дворѣ, она предложила ему пріѣхать въ городъ и ухаживать за нимъ вмѣстѣ съ его двоюродной сестрой. Никитинъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе, которое можно назвать подвигомъ со стороны Н. А. М—ой при ея общественномъ положеніи. Такъ кончился этотъ грустный и кажется единственный въ жизни нашего поэта романъ, если только этимъ словомъ можно назвать отношенія, о которыхъ мы можемъ судить по его письмамъ.

V.

Послѣдній годъ жизни.

Болѣзнь.—Религіозное настроеніе.—Одиночество.—Свиданіе съ В. А. Кокоревымъ.—Духовное завѣщаніе.—Послѣднія именины.—Семейная драма.—Смерть.—Похороны.—«Вырыта заступомъ яма глубокая».

Весна 1861 г. началась для Никитина печально: 3-го мая онъ простудился и долженъ былъ слечь въ постель. Собственно, это былъ одинъ изъ симптомовъ той болѣзни, которая уже нѣсколько лѣтъ подтачивала его силы, по временамъ только принимая острый характеръ; но теперь состояніе Никитина было очень плохо: у него развилась кажется горловая чахотка и онъ доживалъ послѣдніе дни. Впрочемъ, благодаря усиліямъ врачей, здоровье Никитина на нѣкоторое время настолько поправилось, что онъ могъ ходить и даже кое-какъ занимался дѣлами по магазину. Конечно всякія литературныя занятія были брошены, даже чтеніе возбуждало и разстраивало больного.

Лѣтомъ этого года въ Воронежѣ было необыкновенное религіозное возбужденіе по случаю открытія мощей св. Тихона Задонскаго, память котораго глубоко чтилась въ народѣ. Вся губернія оживилась и наполнилась тысячами богомольцевъ, собравшихся изъ разныхъ концовъ Россіи. Это настроеніе сообщилось и больному Никитину; онъ съ глубокимъ интересомъ читалъ жизнеописаніе святого, которое приводило его въ восторженное

состояніе. «Вотъ это я понимаю! Вотъ она гдѣ правда-то!», восклицалъ Никитинъ при этомъ чтеніи. Другой его настольной книгой въ это время сдѣлалось Евангеліе.

Печально и одиноко проводилъ время больной. Лѣтомъ почти всѣ пріятели его разъѣхались, не покидала его только двоюродная сестра, А. Н. Тюрина, та, которая была и его единственной подругой дѣтства. Старикъ-отецъ по обыкновенію пилъ и, не смотря на тяжелое положеніе сына, не оставлялъ его въ покоѣ; онъ врывался въ комнату, гдѣ лежалъ больной, и тутъ давалъ волю своей брани. Эти сцены, разсказываетъ Де-Пуле, были настолько мучительны, что знакомые могли только желать Никитину поскорѣе смерти.

Въ августѣ состоялось первое свиданіе Никитина съ В. А. Кокоревымъ, который оказалъ ему такую важную услугу при открытіи магазина. Свиданіе это было неожиданнымъ для Никитина и глубоко потрясло его. Вотъ какъ описываетъ его присутствовавшій здѣсь Де-Пуле.

«Входитъ незнакомый мужчина высокаго роста и обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «Вы—Ив. Сав.?» Я указалъ глазами на Никитина. «Я—Кокоревъ», сказалъ вошедшій. Лежавшій съ полузакрытыми глазами Никитинъ вскакиваетъ съ дивана, выпрямляется во весь ростъ и, взявши за руку Кокорева, голосомъ полнымъ прежней силы, хотя часто обрывающимся, начинаетъ ему говорить... Мы затрудняемся сказать, что говорить? Не рѣчь же, не монологъ? Но это было въ самомъ дѣлѣ что-то вродѣ монолога. В. А. Кокоревъ былъ болѣе чѣмъ смущенъ этою сценою: въ первый разъ онъ видитъ Никитина и въ такомъ положеніи! Онъ пробовалъ было остановить потокъ смутившихъ его благодарностей; но тщетно.—«Нѣтъ, постойте... дайте мнѣ все высказать», говорилъ надрывающійся, страстный голосъ: «вы дали мнѣ новую жизнь... вы... вы спасли меня... не подойди такъ скоро смерть, я не остался бы въ этомъ городѣ, здѣсь мнѣ душно!» Голосъ Никитина порвался отъ истерическихъ рыданій, ему сдѣлалось дурно».

Не смотря на это, Никитинъ на нѣкоторое время снова ожилъ, такъ что близкіе люди начали надѣяться на его выздоровленіе. Но это была уже послѣдняя вспышка догорающей жизни. 1-го сентября Де-Пуле получилъ отъ него приглашеніе пріѣхать для *составленія духовнаго за*вѣщанія. Здѣсь снова выступаютъ на сцену

отношенія къ отцу. Всю выручку отъ продажи книжнаго магазина Никитинъ по завѣщанію предоставилъ бѣднымъ родственникамъ; отцу онъ не удѣлилъ ни малѣйшей части. Не смотря на совѣты и убѣжденія близкихъ людей включить въ завѣщаніе и отца, Никитинъ оставался непреклоннымъ. «Это безполезно и деньги пойдутъ прахомъ», говорилъ онъ. — Отецъ, правда, не оставался безъ всякихъ средствъ, такъ какъ у него былъ доходъ съ постоялаго двора. Совершенно вѣрно и то, что деньги, оставленныя ему, пошли бы на кутежи и мотовство, и потому трудно осуждать Никитина за такой поступокъ, хотя въ этомъ фактѣ выразилось враждебное чувство, не смягченное даже близостью смерти. Вообще отношенія Никитина къ отцу, который былъ его мучителемъ, представляютъ довольно сложную психологическую загадку. Это борьба нѣсколькихъ чувствъ, гдѣ рядомъ со снисходительностью къ слабости и паденію близкаго человѣка (которое оплакиваетъ Никитинъ въ «Кулакѣ») поднимается ненависть къ нему за годы мученій. Не будемъ рѣшать, какъ могутъ ужиться въ душѣ одного человѣка такія противорѣчія, которыя подмѣтилъ еще римскій поэтъ въ своихъ стихахъ: «Odi et amo». Во всякомъ случаѣ отношенія къ отцу, эта семейная мѣщанская драма (впрочемъ весьма обыкновенная къ несчастію и въ другихъ сферахъ) обставляютъ послѣдніе дни умирающаго Никитина крайне тяжелыми подробностями 26-го сентября былъ день его именинъ. Вечеромъ по обыкновенію пришелъ навѣстить его Де-Пуле. Никитинъ лежалъ на диванѣ съ полузакрытыми глазами; смерть уже положила на немъ свою печать. Отецъ, который на этотъ разъ былъ совершенно трезвый, началъ тихо жаловаться на него Де-Пуле, что онъ тревожится, сердится понапрасну, совсѣмъ не бережетъ и убиваетъ себя. «Вотъ хоть бы вы ему посовѣтовали успокоиться, насъ онъ совсѣмъ не слушаетъ», закончилъ Савва Евтихіевичъ. При этихъ словахъ Никитинъ быстро поднялся съ дивана и сталъ на ноги, шатаясь и едва держась руками за столъ. Онъ былъ страшенъ, какъ поднявшійся изъ гроба мертвецъ.

— «Спокойствіе!—воскликнулъ умирающій.—Теперь поздно говорить о спокойствіи! Я себя убиваю? Нѣтъ,—вотъ мой убійца». Горящіе глаза его обратились къ ошеломленному и уничтоженному отцу. Умирающій опустился на диванъ, застоналъ и обратился къ стѣнѣ, погрузившись снова въ забытье.

Наступило 16-го октября. Подвыпившій отецъ, который ничего не зналъ о содержаніи духовнаго завѣщанія и тревожился объ этомъ, съ утра не выходилъ изъ комнаты умирающаго сына. Онъ стоялъ у его изголовья и безпрестанно взывалъ:

— Иванъ Саввичъ! Кому отказываешь магазинъ? Иванъ Саввичъ! Гдѣ ключи? Подай сюда духовную!

Умирающій судорожно вздрагивалъ и умолялъ глазами сестру отвести старика въ другую комнату. Де-Пуле, присутствовавшій при этихъ сценахъ, съ трудомъ его успокоилъ, сказавши, что духовная у него и что деньги всѣ цѣлы. «Я былъ уничтоженъ картиной такой смерти» разсказываетъ онъ. «Баба, баба!» еще былъ въ силахъ проговорить Никитинъ. Это были его послѣднія слова.

Дикая драма не прекратилась даже и послѣ смерти Никитина. Старикъ-отецъ, узнавши, что онъ выдѣленъ въ духовномъ завѣщаніи, неистовствовалъ и шумѣлъ даже у гроба сына... Впрочемъ впослѣдствіи онъ спокойно говорилъ объ этомъ, объясняя все наговоромъ злыхъ людей, потому что «Иванъ Саввичъ не таковскій былъ человѣкъ, чтобы забыть отца. А что они между собой ссорились, такъ мало ли что бываетъ: вѣдь и горшокъ съ горшкомъ сталкиваются!»

Похороны Никитина приняли характеръ общественнаго событія. Гробъ его провожала масса публики съ начальникомъ губерніи во главѣ; много было учащейся молодежи, гимназистовъ, семинаристовъ и кадетовъ. Никитинъ похороненъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ рядомъ съ могилой А. В. Кольцова. Лучшей эпитафіей на его памятникъ можетъ служить извѣстное стихотвореніе, написанное Никитинымъ за годъ до смерти, которое проникнуто такой глубокой тоской умирающаго. Мы приводимъ его цѣликомъ:

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая...
Горько она, моя бѣдная, шла
И какъ степной огонекъ замерла.

* *
*

Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,

Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна...

* *
*

Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная—
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!... О жизни покончень вопросъ—
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

Не смотря на свой угрюмый и замкнутый характеръ, на нѣкоторыя несимпатичныя черты, которыя выступили въ послѣдніе годы жизни, Никитинъ оставилъ послѣ себя свѣтлое воспоминаніе въ близко знавшихъ его людяхъ. Мы видѣли уже, съ какими симпатіями относились къ нему Второвъ и Придорогинъ. Съ такими же симпатіями говоритъ о немъ и Де-Пуле, близко стоявшій къ Никитину въ послѣдніе годы его жизни и оставившій намъ свои воспоминанія о немъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ суровой и непривлекательной на взглядъ натурѣ поэта-мѣщанина было какое-то обаяніе, которому поддавались даже люди, стоявшіе выше его по своему умственному развитію. Это обаяніе, по словамъ Де-Пуле, заключалось въ томъ, что «этотъ человѣкъ былъ олицетвореніе труда, живое воплощеніе идеи, замысла; вблизи его нельзя было ни задремать, ни опустить рукъ». Эти качества здоровой натуры человѣка, вышедшаго изъ простого народа, сохранились въ Никитинѣ, не смотря на крайне тяжелыя условія жизни, которую онъ прошелъ, и на внутренній разладъ между своими стремленіями и жизнью, который уже съ молодыхъ лѣтъ ему пришлось испытать.

Жизнь Никитина крайне бѣдна внѣшними фактами, но за то интересна и поучительна исторія его внутренняго развитія. Въ сущности вся его недолгая жизнь (онъ умеръ 37 лѣтъ) была борьбой между поэтическимъ призваніемъ, которое онъ чувствовалъ въ глубинѣ души, и тяжелой судьбой. Душевныя муки этой борьбы лучше всего выражены самимъ Никитинымъ въ заключительныхъ строфахъ его «Кулака»:

Какъ узникъ, я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ,
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно.
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой,
Во благо-ль? Небесамъ извѣстно.

Темная среда, изъ которой вышелъ Никитинъ конечно должна была наложить на немъ свою печать. Но лучшая часть его души осталась въ его произведеніяхъ.

VI.

Никитинъ, какъ поэтъ.

Отношеніе критики 50-хъ годовъ къ «поэту-дворнику».—Неблагопріятныя условія для развитія его таланта.—Пессимизмъ Никитина. Ограниченный міръ его творчества.—Стихотворенія подражательныя.—Скорбныя стихотворенія.—Переходъ къ самостоятельному творчеству.—Поэтъ народной бѣдности и горя.—Реализмъ Никитина.—Стих. «Жена Ямщика», «Бурлакъ» и др.—«Кулакъ».—Картины природы.—Заключеніе.

Никитинъ не былъ такъ счастливъ, какъ другой воронежскій поэтъ, А. В. Кольцовъ, нашедшій прекраснаго истолкователя своихъ произведеній въ лицѣ В. Г. Бѣлинскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ его другомъ и страстнымъ поклонникомъ его поэзіи. Можно сказать, что и до сихъ поръ скорбная муза нашего «поэта-дворника» не нашла себѣ вполнѣ справедливой оцѣнки. За шумными и преждевременными восторгами, которые вызвали первыя стихотворенія Никитина, наступило охлажденіе, доходившее до полнаго разочарованія; въ свое время находились даже критики, которые видѣли въ произведеніяхъ поэта-мѣщанина только неудачныя притязанія «писать такъ, какъ пишутъ господа». Какъ мы уже говорили, одной изъ причинъ такого отношенія къ Никитину было то, что въ его произведеніяхъ искали и не нашли той простоты и свѣжести, того *безъискусственнаго* выраженія народной жизни, которыя внесла

въ нашу литературу поэзія Кольцова. Будучи по преимуществу поэтомъ сѣренькой и бѣдной среды, изъ которой вышелъ, Никитинъ однако далекъ былъ отъ непосредственности Кольцова; на всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ печать сознательности, «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ», видно наконецъ вліяніе образованія и литературы. Такое явленіе не могло не смущать критиковъ, полагавшихъ, что мѣщанинъ, сочиняющій стихи на постояломъ дворѣ, могъ быть или талантомъ-самородкомъ вродѣ Кольцова, или простымъ подражателемъ, кое-какъ образованнымъ и желающимъ казаться литераторомъ. Не забудемъ, что въ то время, въ дореформенную эпоху, писатель-разночинецъ, теперь завоевавшій себѣ такую широкую область въ нашей литературѣ, былъ явленіемъ новымъ. Неудивительно поэтому, что нѣкоторые изъ критиковъ, даже признававшихъ въ Никитинѣ талантъ, затруднялись отвесть ему надлежащее мѣсто, послѣ того какъ не нашли въ немъ Кольцова. Но

Если это розы—цвѣсти онѣ будутъ!

Прошло уже тридцать лѣтъ со смерти Никитина и нѣкоторыя изъ его задушевныхъ стихотвореній сдѣлались извѣстными всей образованной Россіи на ряду съ произведеніями нашихъ лучшихъ поэтовъ. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, былъ-ли у Никитина истинный талантъ, можно считать поконченнымъ. Можно разсуждать о размѣрахъ его дарованія и значеніи его поэтической дѣятельности, и мы прежде всего напомнимъ, въ какія узкія рамки по необходимости должна была заключиться творческая дѣятельность Никитина, судьба котораго далеко не соотвѣтствовала его силамъ. Изъ предыдущаго біографическаго очерка мы знаемъ, какую трудную школу пришлось пройти Никитину, прежде чѣмъ ему удалось выйти на «дорогу жизни новой», изъ бѣднаго и забитаго нуждой дворника сдѣлаться писателемъ, обратившимъ на себя общее вниманіе. И вся послѣдующая жизнь поэта были продолженіемъ той же борьбы съ лишеніями, съ грубостью среды, наконецъ съ мучительной болѣзнью, постоянно одолѣвавшей его и доведшей до преждевременной могилы, когда талантъ Никитина не успѣлъ еще вполнѣ выразиться и можетъ быть и вполнѣ опредѣлиться. Жалоба Полежаева: «не расцвѣлъ и отцвѣлъ», вполнѣ примѣнима и къ судьбѣ Никитина. Благотворное вліяніе и поддержка кружка Второва по-

могли ему выбиться изъ положенія дворника, дали возможность проявить свое такъ долго скрывавшееся дарованіе, но это дарованіе увидѣло свѣтъ (Никитину тогда было уже около 30 л.) значительно надломленнымъ и искалѣченнымъ предшествующей жизнью. Въ немъ выработался пессимизмъ, который заставляетъ смотрѣть на жизнь только съ одной печальной стороны, закрывая другія свѣтлыя. Вотъ почему въ произведеніяхъ Никитина мы не найдемъ полнаго и всесторонняго отраженія народной жизни, не найдемъ тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ ея, которыя представляетъ поэзія Кольцова; за то угнетенная и страдающая бѣдность, деспотизмъ, по своему произволу уродующій чужое счастье, мракъ невѣжества, позорная и тяжелая жизнь «кулака»—все это изображено поэтомъ съ такой поразительной правдой, которая оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Міръ произведеній Никитина не великъ и весь ограничивается бѣдной мѣщанской и крестьянской средой, которую ему возможно было наблюдать, почти не выходя изъ предѣловъ городской жизни; но этотъ маленькій и бѣдный мірокъ въ его произведеніяхъ является живымъ, съ своими неподдѣльными чувствами и мыслями, возбуждающій наше участіе. «Много нужно глубины душевной,—говоритъ Гоголь,—чтобы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни и возвести ее въ перлъ созданія», т. е. показать, что эта «презрѣнная жизнь» имѣетъ такія же общечеловѣческія права, какъ и всякая другая.

Какъ мы уже знаемъ, наклонность писать стихи явилась у Никитина еще въ то время, когда онъ учился въ семинаріи. Примѣръ Серебрянскаго, рукописныя произведенія котораго тогда ходили по рукамъ среди семинаристовъ, а еще болѣе вѣроятно, слава поэта-прасола Кольцова сильно повліяли на Никитина. Впрочемъ ничего изъ написаннаго имъ въ это время не сохранилось; по по всей вѣроятности и тогда, и въ послѣдующіе годы жизни на постояломъ дворѣ занятіе стихами было для Никитина дѣломъ серьезнымъ. Первыя его стихотворенія, съ которыми онъ выступилъ въ печати, хотя не представляли ничего оригинальнаго по содержанію, но уже отличаются хорошо выработанной формой. Это обстоятельство, указывающее на долгую внутреннюю работу надъ самимъ собой, было причиной, почему неожиданное появленіе литератора въ лицѣ никому неизвѣстнаго *мѣщанина-дворника было* встрѣчено такими восторгами съ од-

ной стороны, и недоумѣніемъ—съ другой. Въ сущности же это были слишкомъ очевидныя подражанія, въ которыхъ то и дѣло повторяются мотивы Кольцова, Пушкина, Лермонтова и другихъ поэтовъ. Вотъ напримѣръ, въ стихотвореніи «Дубъ», который стоитъ одиноко,

> Стоитъ онъ и смотритъ угрюмо
> Туда, гдѣ подъ сводомъ небесъ
> Глубокую думаетъ думу
> Знакомый давно ему лѣсъ,

вы узнаете «Сосну» Лермонтова; точно также въ стих.: «Когда закатъ прощальными лучами»—варіацію на тему: «Когда волнуется желтѣющая нива» (Лермонтовъ). Такихъ примѣровъ можно указать много. Даже стих. «Русь» и «Война за вѣру», доставившія, какъ извѣстно, Никитину популярность, ничего самостоятельнаго не представляютъ: первое изъ нихъ, написанное звучными стихами, по формѣ слишкомъ напоминаетъ Кольцова, а второе повторяетъ мотивы «Клеветникамъ Россіи» (Пушкина).

Семинарская риторика, вырабатывавшая способность направлять мысль на темы незнакомыя или мало знакомыя, также оставила свой слѣдъ на произведеніяхъ Никитина этого періода; напримѣръ въ стих. «Моленіе о чашѣ» у него есть описаніе Палестины, сдѣланное очевидно по учебнику географіи; есть также отрывокъ описанія въ стихахъ Сибири, которой Никитинъ конечно, никогда не видалъ.

Къ этому же времени относится рядъ стихотвореній религіознаго содержанія, напримѣръ «Моленіе о чашѣ», «Новый Завѣтъ», «Молитва дитяти», имѣвшихъ успѣхъ, благодаря искреннему религіозному чувству, которымъ они согрѣты. Рядомъ съ ними нужно поставить тѣ, гдѣ Никитинъ старается разрѣшить философскіе вопросы. Такъ, онъ обращается къ своему уму:

> Кто далъ тебѣ силу
> Разумной свободы
> И къ истинамъ вѣчнымъ
> Любовь и влеченье?
> Кто далъ это свойство
> Цвѣтущей природѣ,
> Что въ ней разрушенье
> Единаго тѣла
> Бываетъ началомъ
> Для жизни другого?

Отвѣтъ на эти вопросы онъ находитъ въ томъ,

> Что есть высшій Разумъ,
> Все дивно создавшій,
> Всѣмъ правящій мудро («Успокоеніе»).

Въ поэзіи Никитина вообще совершенно отсутствуютъ стихотворенія любовнаго содержанія. Этимъ пробѣломъ, какъ мы знаемъ, отличалась и жизнь поэта. Даже въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя написаны повидимому въ альбомы особъ прекраснаго пола, печальный поэтъ говоритъ о тоскѣ подъ звуки рояля, о житейской невзгодѣ и т. п.

Среди произведеній Никитина есть цѣлый рядъ стихотвореній, которыя могутъ служить лучшимъ дополненіемъ къ его біографіи. Это—стихотворенія, выражающія душевное настроеніе поэта, исторію его внутренней жизни. Отличительная черта ихъ—искренность и тихая грусть, которая переходитъ часто въ надрывающую душу скорбь.

«Я воплощалъ боль сердца» въ звуки—говоритъ самъ Никитинъ. Эта скорбь далека отъ того напыщеннаго пессимизма, который происходитъ отъ пресыщенія благами жизни, отъ душевной пустоты и скуки у людей, которымъ судьба дала больше того, что они заслуживаютъ. Неудовлетворенность самыхъ скромныхъ желаній счастья, противорѣчіе задушевныхъ мечтаній поэта съ окружающей его горькой дѣйствительностью — вотъ что вызываетъ въ жизни Никитина ту внутреннюю драму, которая выражается въ его скорбныхъ стихотвореніяхъ. Только воспоминанія дѣтства являются свѣтлыми оазисами, на которыхъ съ отрадой останавливается мысль поэта. Такая жизнерадостная картинка рисуется имъ напримѣръ въ извѣстномъ стих.: «Помню я: бывало, няня»... или въ другомъ:

Я помню счастливые годы,
Когда безпечно и шутя,
Безукоризненной свободой
Я наслаждался, какъ дитя...
Съ какою дѣтскою отрадой
Глядѣлъ я на кудрявый лѣсъ,
Весенней дышащій прохладой,
На сводъ сіяющій небесъ,
На тихо спящіе заливы
Въ зеленыхъ рамахъ береговъ,
На блескъ и тѣнь волнистой нивы
И на узоры облаковъ.
То были дни святой свободы,
Очарованья и чудесъ
На лонѣ мира и природы...

Но эти свѣтлыя воспоминанія тотчасъ же смѣняются мрачными чувствами въ душѣ поэта, заставляющими его сказать:

> Вѣчная память, веселое время!
> Грудь мою давитъ тяжелое бремя,
> Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,
> Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
> Гдѣ вы, веселье, и сонъ, и здоровье?
> Смокло отъ слезъ у меня изголовье,
> Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ...
> Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Въ другихъ стихотвореніяхъ Никитинъ жалуется на свою суровую долю, съ которой онъ «рано подружился», на неудавшуюся жизнь «съ потерями надеждъ, безсильемъ противъ зла», на грязь и невѣжество окружавшей его среды. Это жалобы богато одаренной натуры, которая томится въ несоотвѣтствующей себѣ обстановкѣ, рвется изъ нея и не находитъ силъ, чтобы выбиться.

Четыре года, проведенные Никитинымъ подъ вліяніемъ Второва и его кружка, можно назвать временемъ его нравственнаго возрожденія. Не только въ его общественномъ положеніи, но и въ міровоззрѣніи происходитъ переворотъ, отразившійся и на его произведеніяхъ. Все, что написано имъ до этой поры, не представляетъ ничего оригинальнаго, никакой, такъ сказать, опредѣленной писательской физіономіи. Отголоски пушкинской школы, литературные и философскіе взгляды 40-хъ годовъ, насколько они были доступны пониманію Никитина-семинариста, наконецъ народные мотивы въ духѣ Кольцова—все это отразилось на произведеніяхъ его этого періода. Талантъ искалъ себѣ самостоятельной дороги и, какъ всегда бываетъ съ начинающими, избиралъ пока проторенные пути. Ближе всего для поэта-дворника было слѣдовать Кольцову, но, какъ замѣтилъ Бѣлинскій, Кольцовымъ нужно было родиться, подражать же ему было невозможно. Во всякомъ случаѣ въ произведеніяхъ Кольцова, значеніе которыхъ тогда уже такъ прекрасно оцѣнилъ Бѣлин кій, Никитинъ могъ видѣть указаніе для себя: они открывали ему область народной жизни, до тѣхъ поръ почти неизвѣстной въ нашей литературѣ. Впрочемъ не только примѣръ Кольцова, но и сама жизнь съ новыми общественными запросами указывала Никитину ту область, въ которой могло вы-

разиться его дарованіе. Въ то время, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, въ воздухѣ уже носились вѣянія реформъ императора Александра II и во главѣ этихъ реформъ стояло освобожденіе массы простого народа отъ крѣпостной зависимости. Вмѣстѣ съ этимъ происходитъ переворотъ и въ общественныхъ взглядахъ на народную жизнь. Тотъ народъ, къ которому раньше относились съ такимъ пренебреженіемъ, какъ къ холопу, котораго литература или совсѣмъ не удостоивала своимъ вниманіемъ, или выводила только для оживленія сельской картины въ видѣ благоденствующихъ «пейзанъ» и «пейзанокъ», теперь становится предметомъ серьезнаго изученія. Правда, интересъ къ народу явился гораздо раньше,—уже въ литературѣ 40-хъ годовъ пробивалась струя народности; но тогда это движеніе происходило втихомолку, подъ гнетомъ «независящихъ» обстоятельствъ, и потому не могло выразиться вполнѣ опредѣленно. Только со второй половины 50-хъ годовъ наша литература отводитъ видное мѣсто для изображенія народной жизни, представляя ее безъ фальшивыхъ прикрасъ и сантиментальности. И эта правда о народѣ производитъ сильное впечатлѣніе. Такія вещи, какъ «Записки Охотника» Тургенева, повѣсти Григоровича и стихотворенія Некрасова, пользовались въ обществѣ необыкновеннымъ успѣхомъ. Они были своего рода откровеніемъ, хотя изображали только то, что было у всѣхъ передъ глазами.

Въ такое то время выступилъ Никитинъ со своими лучшими стихотвореніями. Въ нихъ нѣтъ свѣтлой поэзіи Кольцова, его простого и трогательнаго лиризма, нѣтъ широты и оригинальности этого таланта-самородка. Никитинъ по преимуществу скорбный поэтъ, поэтъ бѣдности и горя. Міръ его произведеній можетъ быть слишкомъ ограниченъ, но за то изображенъ вполнѣ сознательно и вдумчиво; онъ не только хорошо знаетъ описываемую имъ жизнь, но и понимаетъ ее, сочувствуетъ ей и самъ страдаетъ вмѣстѣ съ другими обездоленными. Читая его произведенія, вы чувствуете не литератора-барина, старающагося проникнуть въ народную жизнь, которая всетаки остается для него только объектомъ наблюденія, а писателя, представляющаго собою плоть отъ плоти этого народа, пережившаго и перечувствовавшаго то, чтò онъ изображаетъ. Эта искренность составляетъ одно изъ лучшихъ достоинствъ произведеній Никитина. Другое *свойство его таланта*—реализмъ, трезвое и правдивое отношеніе

къ жизни. У него нѣтъ той приторной идеализаціи, къ которой часто прибѣгаютъ даже лучшіе изъ нашихъ писателей-народниковъ. Не смотря на свои симпатіи къ народу, Никитинъ не закрываетъ глазъ на его дурныя и дикія стороны, которыя ему представляются какъ неизбѣжное зло до тѣхъ поръ, пока надъ этой темной массой «не блеснутъ лучи разсвѣта». И тѣмъ не менѣе, не смотря на отсутствіе идеализаціи, этотъ бѣдный и сѣренькій людъ, такъ тихо и безропотно переносящій свою долю, вызываетъ глубокое участіе къ себѣ, благодаря правдивому изображенію Никитина. Вотъ напримѣръ, одинъ слишкомъ обыкновенный, но тѣмъ не менѣе страшный моментъ въ жизни женщины-крестьянки въ стих. «Жена ямщика». Сидя за прялкой въ зимнюю ночь, жена ямщика поджидаетъ мужа, который уѣхалъ съ извозомъ и уже пятую недѣлю не шлетъ о себѣ никакихъ извѣстій. Тревожныя мысли не даютъ ей покоя:

«Ну, Господь помилуй,
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случится
На пути глухомъ!
Дѣло мое бабье,
Цѣлый вѣкъ больна.
Что я буду дѣлать
Одиной—одна!
Сынъ еще ребенокъ,
Скоро-ль подрастетъ?
Бѣдный!... все гостинца
Отъ отца онъ ждетъ!»

Вспоминается женѣ ямщика прошлое—ея невеселая дѣвическая жизнь; вспомнились слова ея матери:

«Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
Замужемъ-то жить,
Трудъ порой рабочей
Въ полѣ выносить?
И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшія-то сестры
Кровь, вѣдь, съ молокомъ!
И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да за то имъ шутка
Молотить и жать.
А тебя за разумъ
Хвалитъ вся семья,
Да любитъ-то... любитъ
Только мать твоя».

А вотъ и вѣсть, которой недаромъ съ такой тревогой ожидала жена ямщика: отъ сосѣда, привезшаго лошадей ея мужа, она узнаетъ, что онъ, пріѣхавъ въ Москву, вдругъ захворалъ и умеръ.

Въ другомъ стихотвореніи «Бурлакъ» разсказывается незадавшаяся жизнь бурлака, которому вначалѣ такъ повезло счастье:

> Дочь сосѣда любила меня молодца.
> Я женился—и зажилъ съ женою!
> Словно счастья на дворъ мнѣ она принесла...

Все кажется шло прекрасно, но бѣда нагрянула нежданно-негаданно: умерла молодая жена, а за ней сынишка, отрада отца, а затѣмъ началось разоренье и нужда, заставившая неудачника пойти въ бурлаки.

А вотъ и еще горе крестьянина-пахаря:

> Вотъ и осень прошла. Убранъ хлѣбъ золотой,
> Все гумно у сосѣда завалено...
> У меня только смотритъ оно сиротой—
> Ничего-то на немъ не поставлено.
>
> *
> * *
>
> Не дозрѣла моя колосистая рожь,
> Крупнымъ градомъ до корня побитая!
> Ужь когда же ты, радость, на дворъ мой войдешь?
> Охъ, бѣда ты моя непокрытая!
>
> *
> * *
>
> Посидятъ, вѣрно, дѣтки безъ хлѣба зимой,
> Безъ одежи натерпятся холоду...
> Привыкайте, родимые, къ долѣ худой!
> Закаляйтесь въ кручинушкѣ съ молоду...
>
> («Внезапное горе»)

Съ глубокими симпатіями изображаетъ Никитинъ эту «безталанную долю» пахаря, котораго такъ преслѣдуетъ судьба, его трудную борьбу съ природой, его постоянныя заботы:

> Ужъ когда же ты, кормилецъ нашъ,
> Возьмешь верхъ надъ долей горькою?
> Изъ земли то роешь золото,
> Самъ то сытъ сухою коркою.

«На труды твои, да на горе вдоволь вчужѣ я наплакался», заканчиваетъ поэтъ это прекрасное стихотвореніе («Пахарь»). Такое же грустное раздумье о судьбѣ крестьянина и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ Никитина, напримѣръ: «Нищій», «Де-

ревенскій бѣднякъ», «На пепелищѣ». Печальное положеніе крестьянской женщины въ различные моменты ея жизни—жизнь дѣвичья, замужество, вдовство—также изображены Никитинымъ. Вотъ, напримѣръ, отецъ принуждаетъ дочь выйти замужъ за жениха, который «и буянъ, и мотъ, и въ могилу свелъ жену первую», но зато богатъ («Упрямый отецъ»). А вотъ замужество, въ которомъ ее ожидаетъ только тяжелый, непосильный трудъ и заботы (въ стих: «Жена ямщика», «За прялкою баба», «Мать и дочь»), и еще болѣе страшное вдовство («Пряха»).

Мы не имѣемъ возможности перечислить здѣсь всѣхъ стихотвореній Никитина, въ которыхъ онъ изображаетъ крестьянскую жизнь. Какъ мы уже говорили, это изображеніе можетъ быть одностороннее: бѣдность, нужда, тяжелый трудъ, неудачи... Ни «поэзіи степей и полей» Кольцова, ни той беззавѣтной русской удали, которая такъ часто слышится въ его пѣсняхъ, мы не найдемъ у Никитина. Какъ на единственное почти исключеніе можно указать развѣ на его извѣстную «Пѣсню бобыля», въ которой такъ хорошо выражена та безшабашность русскаго человѣка, для которой все—«трынъ—трава».

«Ни кола ни двора,
Зипунъ—весь пожитокъ...
Эхъ, живи—не тужи,
Умрешь—не убытокъ!

Но это уже свойство таланта Никитина, которому ближе къ сердцу были печальныя явленія жизни, чѣмъ другія. Въ заключеніе мы не можемъ не привести его прекрасную характеристику бѣдности въ слѣдующихъ строфахъ:

Ахъ, ты, бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черному привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!

Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь
Сирота, стыдомъ убитая;
Къ богачу придешь—въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая.

Ты плывешь куда водой несетъ,
Стороной бредешь—гдѣ путь дадутъ,
Просишь солнышка—гроза идетъ,
Скажешь правду--силой ротъ зажмутъ.

У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости...

Какъ уже можно судить изъ приведенныхъ отрывковъ, во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Никитинъ далекъ отъ того безцвѣтнаго романтизма, съ которымъ онъ выступилъ вначалѣ. Если по своей формѣ, по размѣру и языку, эти стихотворенія приближаются къ Кольцову—имѣя передъ собой такой образецъ, Никитину не нужно было вырабатывать что либо самостоятельное, то по содержанію и по своему настроенію они вполнѣ самостоятельны. Вы видите, что у поэта есть свой особый міръ, который онъ такъ хорошо изучилъ и любитъ и потому такъ правдиво изображаетъ.

Но лучше всего выразился талантъ Никитина въ драмѣ изъ мѣщанской жизни «Кулакъ». Это самое крупное по размѣрамъ и самое серьезное по замыслу изъ его произведеній. Здѣсь нарисована широкая картина изъ жизни того «темнаго царства», изъ котораго вышелъ самъ поэтъ и которое ему такъ близко знакомо. Кулакъ—это мелкій торговецъ, который для поддержанія своего существованія промышляетъ всѣми правдами и неправдами: рветъ, что только можетъ, въ свою пользу, обвѣшиваетъ, обмѣриваетъ, клянется. Таковъ Лукичъ, герой поэмы Никитина. Съ поразительнымъ реализмомъ поэтъ изображаетъ тяжелую и позорную жизнь кулака, всѣ его продѣлки и злоключенія. Но, не смотря на низость этой жизни, на грязь порока, въ которую погружается Лукичъ, поэтъ всегда отмѣчаетъ въ немъ такіе проблески добра, которые примиряютъ насъ съ этой испорченной натурой и заставляютъ видѣть въ ней несчастную жертву обстоятельствъ. Самъ поэтъ говоритъ:

Быть можетъ, съ дѣтства взятый въ руки
Разумной матерью, отцомъ,
Лукичъ избѣгъ бы жалкой муки—
Какъ нынѣ, не былъ кулакомъ.

Эта гуманная мысль, проходящая чрезъ всю поэму, придаетъ ей особенную цѣну. «Кулакъ»—не сатира, обличающая порокъ, а плачъ о человѣкѣ, погибающемъ въ тинѣ низкихъ интересовъ *и страстей, и по натурѣ* своей способномъ на лучшую участь. Сю-

жетъ поэмы заключается въ томъ, что Саша, дочь Лукича, любитъ бѣднаго столяра, но отецъ принуждаетъ ее выйти замужъ за богатаго торговца, Тараканова, въ надеждѣ, что зять поможетъ ему поправить свои дѣла. Напрасно Саша со слезами умоляетъ отца:

— Сжальтесь надо мною!
За что я молодость свою
Съ немилымъ сердцу загублю?

Напрасно вмѣстѣ съ Сашей проситъ за нее Арина, жена Лукича,—онъ остается непреклоннымъ и грозитъ дочери проклятіемъ за ослушаніе. Лукичъ не злой по природѣ, ему жаль дочери; его самодурство—результатъ грубыхъ взглядовъ, изстари сложившихся въ той темной торгашеской средѣ, въ которой онъ живетъ, и извращенныхъ представленій о счастьи. Онъ разсуждаетъ:

Сосѣдъ нашъ честенъ, всѣмъ хорошъ,
Да голь большая, вотъ причина!
Что честь-то? коли нѣтъ алтына,
Далеко съ нею не уйдешь.
Безъ денегъ честь—плохая доля.

Самодурство отца, душевная драма Саши, которая должна выйти замужъ за немилаго ей Тараканова, сцены сватанья сговора—все это чрезвычайно живо изображено Никитинымъ. Мы не имѣемъ возможности познакомить читателя съ этими сценами въ выдержкахъ, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста и отсылаемъ его къ самой поэмѣ. Жертва, принесенная Сашей, ни для кого не служитъ въ пользу. Богатство немилаго мужа, тупое мѣщанское довольство не даютъ ей счастья; Саша томится и чахнетъ. Ошибается также и Лукичъ въ своихъ разсчетахъ на поддержку эгоиста-зятя. Тяжелую сцену, вызывающую сочувствіе къ этому падшему и несчастному человѣку, представляетъ намъ поэтъ, когда Лукичъ въ трудную минуту напрасно проситъ о помощи Тараканова:

— Осмѣянъ всѣми, обнищалъ,
Тутъ совѣсть не даетъ покою...
Зять! не пусти меня съ сумою!
Дай мнѣ подъ старость отдохнуть!
Поставь меня на честный путь!

Дай дѣло мнѣ! Господь порука—
Не буду пить и плутовать!

Только со стороны бѣднаго столяра, котораго онъ оскорбилъ отказомъ выдать за него дочь, Лукичъ встрѣчаетъ сочувствіе и готовность помочь во время своего паденія. Поэма заканчивается слѣдующими прекрасными строфами:

Ты сгибъ, но велика-ль утрата?
Васъ много! Тысячи кругомъ,
Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата.
Придетъ ли, наконецъ, пора,—
Когда блеснутъ лучи разсвѣта;
Когда зародыши добра
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ;
Когда минетъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка—
Добра божественный сосудъ?

Этими немногими чертами мы хотѣли только отмѣтить ту нравственную идею, которою проникнуто лучшее произведеніе Никитина. Познакомить съ его художественными достоинствами мы не имѣемъ возможности въ этомъ краткомъ очеркѣ. Не смотря на растянутость и прозаичность нѣкоторыхъ мѣстъ «Кулака», поразительный реализмъ въ изображеніи бытовыхъ сценъ производитъ глубокое впечатлѣніе при описаніи драматическаго положенія дѣйствующихъ лицъ и свидѣтельствуетъ о крупномъ талантѣ Никитина. Какъ на лучшія изъ такихъ мѣстъ, можно указать на сцены самодурства кулака, сватанье, болѣзнь и смерть Арины и др.

Кстати, напомнимъ здѣсь о «Дневникѣ семинариста», единственномъ произведеніи въ прозѣ, которое оставилъ Никитинъ. При всей незаконченности этихъ очерковъ, нѣкоторыя мѣста «Дневника» несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ прозѣ Никитинъ могъ съ успѣхомъ проявить свой талантъ; такова напримѣръ прекрасно написанная сцена смерти Яблочкина.

Намъ остается указать еще на одну область творчества, въ которой Никитинъ является замѣчательнымъ художникомъ:

это—описаніе природы. Такое поэтическое описаніе ночи, какъ въ стихотвореніи:

Разсыпались звѣзды, дрожатъ и горятъ...
За пашнями диво творится:
На воздухѣ синія горы висятъ,
И въ полыми людъ шевелится...

или въ стихотвореніи «Утро»:

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается,—

такія описанія могли быть написаны только поэтомъ, который «съ природой одною жизнью дышалъ». Эти стихотворенія (прибавимъ еще: «Зимняя ночь въ деревнѣ», «Зашумѣла, разгулялась...», «Полдневный воздухъ зноемъ дышитъ» и др.) давно поставлены рядомъ съ лучшими произведеніями нашихъ поэтовъ.

О стихотвореніяхъ Никитина, написанныхъ по поводу современной «злобы дня», мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ. Такія стихотворенія, какъ «Разговоры», «Опять знакомыя видѣнья», «Поэту-обличителю» и др. не имѣютъ художественныхъ достоинствъ и интересны только для характеристики міровоззрѣнія Никитина. Мы говорили также о перемѣнѣ, происшедшей въ немъ за послѣдніе годы его жизни, и отмѣтили его рѣзко отрицательное отношеніе къ «вѣяніямъ» 50-хъ годовъ, къ тѣмъ, по его мнѣнію, пустымъ «разговорамъ» тогдашней интеллигенціи о «зарѣ новой жизни», и вообще къ негодованію на старое дореформенное зло. Все это можетъ быть доказываетъ только то, что, по недостаточности развитія, Никитинъ не могъ вполнѣ понять жизненнаго значенія тогдашняго общественнаго движенія, отъ котораго онъ впрочемъ и стоялъ слишкомъ далеко въ послѣдніе годы жизни, и видѣлъ въ немъ только отрицательныя стороны, которыя несомнѣнно были. Рядомъ съ отрицаніемъ Никитинъ пытается указать на положительные идеалы, къ которымъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ стремиться, но эти идеалы оказываются очень туманными и слишкомъ отзываются общими мѣстами. «Широкій путь, разум-

ный трудъ», «безконечное мысли движенье, царство разума, правды святой»—вотъ все, что̀ мы находимъ въ его стихотвореніяхъ («Опять знакомыя видѣнья», «Поэту-обличителю»). Здѣсь слышится отголосокѣ возвышеннаго, но туманнаго идеализма 40-хъ годовъ.

Намъ остается подвести итоги всему сказанному выше о Никитинѣ.

Это былъ несомнѣнный и крупный талантъ, которому не доставало только правильнаго и всесторонняго развитія для того, чтобы занять болѣе видное мѣсто въ нашей литературѣ. Судьба Никитина не соотвѣтствовала его силамъ, бо̀льшая часть которыхъ была загублена неудавшейся тяжелой жизнью. «Въ вашей судьбѣ что-то есть роковое!» говоритъ Некрасовъ, обращаясь къ «братьямъ-писателямъ». Эти слова главнымъ образомъ относятся къ тѣмъ писателямъ-разночинцамъ, которымъ предстоялъ трудный путь, исполненный невзгодъ и препятствій, прежде чѣмъ вынесть на свѣтъ свое дарованіе. Яркій примѣръ этого—исторія жизни Никитина, одного изъ первыхъ разночинцевъ въ нашей литературѣ.

Какъ народный поэтъ, Никитинъ былъ преемникомъ Кольцова въ изображеніи народной жизни, оставаясь однако въ этой области самостоятельнымъ наблюдателемъ. Его скорбныя стихотворенія, проникнутыя такимъ искреннимъ сочувствіемъ къ страдающему и обездоленному люду, ихъ трезвая правда, составляютъ прекрасное дополненіе къ поэзіи Кольцова. Не даромъ же имена Кольцова и Никитина обыкновенно ставятся рядомъ.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса.* Пер. *П. Мокіевскаго.* Ц. **2** р.
Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге.* Переводъ съ нѣмецкаго. Ц **1** р. **25** к.
Законы подражанія. *Тарда.* Ц **1** р **50** к
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена.* Ц. **60** коп
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена.* Части 1 и 2-я Ц. каждой **50** к
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. **1** р.
Берегите легкія! Гигіенич бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц **75** к
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц **40** к
Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна **1** р **25** к
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. **60** к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Со многими рис. Ц **2** р.
Первобытные люди. *Дебьера* Съ многими рисунками. Ц. **1** р
Фабричная гигіена. *В В Святловскаго* 720 стр. и 153 рис. Ц **4** р
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера.* Съ137 рис. Ц. **60**к.
Который часъ? *И. Вавилова.* Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ Съ 13 рис. Ц. **30** к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* 2 изд. Ц **40** к
Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд Ц **50** к
Физіологія души. *А. Герцена.* Ц **1** р.
Міръ грезъ. *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев съ франц Ц **1** р.
Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами Съ 400 рис Ц **1** р. **50** к. Въ папкѣ **1** р **75** к. Въ пер.—**2** р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итальян изданія Ц **1** р **50** к
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Реньяра.* Съ110рис Ц **1** р **75**к
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд (60 рис.) Ц **30** к
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона* 2-е изд Съ 100 рис Ц. **1** р
Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса.* Съ 2?3 рис. Ц **2** р. **50** к.
Электрическіе элементы. Соч *Ніоде.* Со многими рисунками. Ц. **2** р
Электр. аккумуляторы. *Ренье.* Съ 76 рис. Ц **1** р **25** к
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. **2** р. **50** к
Чудеса техники и электричества *Чиколева* **30**к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Съ 6-ю рисунками. Ц. **25** к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье* 340 рис. Ц **1** р. **50** коп
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. **2** р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. **2** р **50** к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис Ц **2** р.
Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ крат свѣдѣніями о воздуш звонкахъ. 114 рис Ц. **1** р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина Ц. **75** к
Психологія великихъ людей. Проф *Жоли.* Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. **1** р.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц *Ф. Павленкова.* 2-е изд Ц **2** р **50** к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи *А Секки.* Перев. съ франц *Ф. Павленкова.* 3-е изд Ц **2** р. **50** к.
Частная медицинская діагностика. Руководство для прак врачей. Составилъ проф. *Да-Коста.* 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд Ц **2** р.
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера.* Переводъ съ франц. Ц. **1** р. **50** к
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд Ц **1** р.
Вредныя полевыя насѣкомыя Сост. *Иверсенъ.* Съ 43 рис Ц **80** к
Эйфелева башня. Состав *Г Тисандье* Съ 34 рисун. Ц **50** к
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа. съ 3 рис. Бар *Н. Корфа.* Ц **10** к.
Воздушное садоводство. *Н Жуковскаго* Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна **60** коп.
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго* Ц **20** к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав *М. Клима.* Пер *Н. Корфъ.* Ц **75** к
Гигіена семьи. *Гебера.* Ц **50** к
Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц **40** к

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА,

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. **1** р. **50** к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо.* Ц. **40** к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. **75** к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. **1** р. **50** к; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц. **1** р. **25** к; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. **1** р; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц. **1** р; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. **60** к; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. **1** р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц. **1** р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. **1** р. **50** к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. **1** р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. **1** р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера.* Ц. **50** к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. [illegible]

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. **2** р. **50** к.

Курсъ начальной механики. *И. Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. **1** р. **50** к.

Практическая геометрія. *А. Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Цѣна **60** к.

Курсъ метеорологіи и климатологіи. Профессора Лѣсного Института. *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рис. и 6-ю картами Цѣна **2** р.

Общ'я основы химической технологіи. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунками. Ц. **1** р. **50** к.

Полный курсъ физики. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1215 рис., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Цѣна **4** р.

Популярная физика. *А. Гано.* Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова,* 3-е изд. Съ 604 рис. Ц. **2** р.

Краткая физика. *М. Герасимова.* Съ 335 рис. и 214 задачами. Цѣна **1** р.

Популярная химія. *И. Вальберха* и *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 50 рис. Ц. **40** к.

Учебникъ химіи. *Альмедингена* съ 96 рис. Ц **2** р.

Общепонятная геометр'я. *В. Потоцкаго.* Съ 143 фиг. Ц **40** к.

Практическій курсъ физіологіи. *Бурдонъ Сандерсона.* Переводъ д-ра *Фридберга.* Въ 2-хъ томахъ, со мног. рис. 2-е изд. Ц **3** р.

Методика ариѳметики. *С. Житкова.* Ц. **75** к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. **40** к.

Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. **25** к.

Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. *Н. Плетенева.* Съ рис. Ц. **30** к.

Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изд., съ 10-ю раскрашенными карт. и 82 рис. Ц. **1** р. **25** к.

Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *А. Кузнецова.* 2-е изданіе. Цѣна **1** р.

Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 800 рис. 12-е изд Ц. **20** к.

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ". *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Цѣна **15** к.

Родная азбука. *Ф. Павленкова,* 8-е изд., съ 200 рис. Ц. **5** к.

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова,* 11-е изд., 12 стр 100 рис. Ц. **1** к.

Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) **Къ „Родному слову"** Ушинскаго (400 рис.) 2) **Къ „Азбукѣ Бунакова"** (460 рис.) 3) **Къ „Первой учебной книжкѣ"** Паульсона (430 рис.). 4) **Къ „Русской азбукѣ"** Водовозова (470 рис.). 5) **„Общія наглядно-звуковыя прописи"** (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Ц. каждой книжки **8** к.

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е допол. изд. Ц **15** к

Зернышко. *Т. Лубенца.* Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Со многими рис. Ц. **30** к. Вторая книга Ц. **40** к.

Руководство къ „Зернышку" *Лубенца.* Ц **50** к.

Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц **30** к.

Церковно-славянскій букварь. *Лубенца.* Ц. **5** к.

Руководство къ „Церковно-славянскому букварю". *Т. Лубенца.* Ц. **15** к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 11-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. **40** к.

Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. **50** к.

Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. *Н. А. Корфа.* Ц. **60** к.

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* 15-е изд. съ 200 рис. и порт. Ц. **75** к.

Триста письменныхъ работъ. Для упражненій въ начальной школѣ. *Н. Корфа.* Ц. **15** к.

Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грам. правилъ. *Корфа.* Ц. **12** к.

Русскій языкъ. Иллюстрированная хрестоматія *А. Тарнавскаго.* (Съ 80 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. **60** к.

Элементарная грамматика русскаго языка. *А. Чудинова.* 5-е изд. Ц. **50** к.

Начальная рус. грамматика. *Бучинскаго.* Ц. **30** к.

Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. **20** к. **„Замѣтки** для учителя". Ц. **10** к.

Русское слово. *А. Павлова.* Сборникъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для городскихъ училищъ Ц. **1** р.

Руководство къ „Рус. слову" *Его-же.* Ц **60** к

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. **50** к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. **50** к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія Ц. **35** к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. **35** к.

Сборникъ алгебр. задачъ. *Савицкаго.* Ц. **40** к.

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* Съ 96 рис. Ц. **50** к.

Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. Ц. **30** к.

Очерки новѣйшей исторіи. *И. Н. Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. **2** р.

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова.* 2-е изд. Съ 345 рис. Ц. **1** р. Въ папкѣ **1** р. **20** к. въ перепл. **1** р. **50** к.

Крат. курсъ ботаники. *Сіязова.* 118 рис Ц. **50** к.

Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рисунк. въ текстѣ. Ц. **75** к.

Руководство къ рисованію акварелью. *А. Лакассаня.* Съ 120 рис. и 6-ю аквар. Ц. **1** р. **50** к

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Графиньи.* Домашнія занятія ремеслами. Съ франц 400 рис. Ц. **1** р **50** к.—2) **Электрическіе звонки.** *Боттона.* *Съ краткими свѣдѣніями* о воздушныхъ [illegible] *Съ 114 рис. Пер.* съ англ. и допол. [illegible] *Ц. 1 р.—3)* **Руководство къ** [illegible]**релью.** *А. Кассаня.* Съ франц. [illegible] **50** к.—4) и 5) **Навсякій случай** *А. Альмедингена.* Научныя-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ веществъ Двѣ части Цѣна каждой **50** коп.

6) **Домашній опредѣлитель подДѣлокъ.** *А. Альмедингена.* Ц. **60** к. и проч.

Съ рисунками. Ц. 1 р., въ переплетѣ съ золот. 1 р. 50 к.

Иллюстрированные Библейскіе разсказы для народнаго чтенія. Состав. *Ѳ. Пуцыковичъ*: **Сотвореніе міра.** 6 к. **Праотцы-Патріархы,** 10 к. **Іосифъ Прекрасный,** 7 к. **Моисей,** 10 к. **Самсонъ,** 5 к. **Соломонъ,** 7 к. **Іудиѳь,** 7 к. **Руѳь,** 5 к. **Іовъ,** 7 к. **Товитъ,** 6 к. **Есѳирь,** 6 к. **Іисусъ Навинъ,** 7 к **Древніе Пророки,** 10 к. *Одобрены Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для народнаго чтенія и Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для библіотекъ всѣхъ народныхъ училищъ.* **Новые Библейскіе разсказы.** Сост. *Ѳ. Пуцыковичъ:* **Гедеонъ и Іеѳеай,** судьи израильскіе. Ц. 5 к. Пророкъ **Самуилъ,** Ц. 5 к. **Саулъ,** первый царь израильскій. Ц. 8 к. Царь и пророкъ **Давидъ-Псалмопѣвецъ.** Ц. 8 к. Пророкъ **Даніилъ.** Ц. 7 к. **Ездра и Неемія.** Ц. 6 к. **Іуда Маккавей.** Ц. 7 к.

Иллюстрированный сборникъ описаній интересныхъ явленій въ области природы, наукъ и искусствъ. Ц. 1 р., въ коленк. перепл. 1 р. 60 к.

Исторія семейства Честеръ и двухъ маленькихъ сиротъ. Съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Маленькіе чистильщики улицъ. Разсказъ изъ книги „Дѣтскій Сборникъ". Сост. Сорокинъ. Ц. 10 к.

Молодильныя яблоки. Сказка-поэма *В. П. Авенаріуса.* Съ рисунками. Ц. 10 к. *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства Императрицы Маріи допущена въ ученическія библіотеки средн. и низшихъ классовъ средн. учебныхъ заведеній.

Муравей. Литературный сборникъ для дѣтей средн и старшаго возраста Ц. 1 р. 50 к.

На память о Жоржъ-Зандъ. 2 разсказа для дѣтей: Говорящій дубъ и Грибуль. Съ портр. автора и картинами. Ц. 1 р.

Наслѣдникъ дяди Честертона. Романъ для дѣтей старшаго возраста. Переводъ съ англійскаго *Н Азбелева.* Со множествомъ большихъ картинъ и рисун. Ц. 2 р въ перепл. съ золот. 2 р. 50 к.

Наше житье. Разсказы для юношества. сост. В. Сорокинъ. Ц. 45 к. *Содержаніе*: Деревня.—Село.—Волость.—Станъ.—Уѣздъ.— Городъ.—Уѣздный городъ.—Губернія. — Губернскій городъ.—Дворянство. - Столица.—Государство.

Новые разсказы и сказки для дѣтей. Сост. *А. Коваленская.* Съ 10-ю отдѣльными большими картинами и др. рисунками. Ц. 1 р. 75 к., въ красив. папкѣ 2 р, въ переплетѣ съ золотомъ 2 р. 50 к.

Норвежскія сказки. 15 сказокъ Ц 1 р.

Обрусители. Романъ изъ общественной жизни западнаго края, Н. Ланской. Въ 2 частяхъ. Изд. 3-е, исправленное. Ц. 1 р. 25 к

Отроческіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть. *В. П. Авенаріуса.* Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 руб.

Отъ Рождества до Пасхи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Выпускъ I.—**На Рождество.** Съ рисунк. и портретами. Ц. 1 р. Вып. II.—**На Новый годъ.** Съ рисунками и портретами. Ц. 1 р. Оба выпуска въ коленк. перепл. 2 р. 50 к. Допущены особымъ отдѣломъ *Ученаго Ком. Мин. Нар. Просв.* въ ученич. библіотеки.

Очерки современнаго Египта. Передѣлано для юношества изъ романа Эдм. Абу: «Феллахъ Ахметъ», *С. Самойловичъ.* Ц. 1 р. 50 к. Значится въ каталогѣ ученическихъ библіотекъ *среднихъ учебныхъ заведеній* вѣдомства *Министерства Народнаго Просвѣщенія.*

Первые разсказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народн. школъ Герм. Вагнера. Перев *В. Висковатова.*

Книжка 1. Изд. 7. съ рис. Ц. 1 р.; тоже, Книжка 2. Изд. 5, съ карт. Ц. 1.; тоже. Книжка 3. Изд. 3, съ карт. Ц. 1 р. *Одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* для библ. при начальн. народн. училищ.

Полное собраніе сказокъ Андерсена. Съ картинами, въ красивыхъ папкахъ: т. 1-й, переводъ *Петра Вейнберга*, изд. 6-е Ц. 1 р. 75 к. т. 2-й, перев. *Марка Вовчка*, издан. 4-е. Ц. 2 р.; т. 3-й, перев. *Майковой*, съ портретомъ автора. Ц. 2 р.

«Послѣ труда». Литературный сборникъ для дѣтей. Съ картин Ц. 1 р.

Разскажите мнѣ что-нибудь и покажите картинки. Сост. *В. Андреевская*. Со множест. рисунковъ. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. съ золот. 2 р.

Разсказы изъ исторіи и миѳологіи грековъ по Гомеру. Профессора Вильмана, перев. *И. Виноградовъ*. Ц. 50 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено* для ученическихъ библіотекъ гимназій мужск. (младшій возрастъ) и женск. (оба возраста) и вообще для среднихъ учебныхъ заведеній.

Разсказы и сказки для дѣтей. Сост. *А. Коваленская*. Съ 6 отдѣльн. большими силуэтами Е. Бемъ и др. виньетками. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переплетѣ съ зол. 2 р. 75 к.

Разсказы о Петрѣ Великомъ. Съ рисун. и портретомъ Петра Великаго. Сост. Сорокинъ. Изд. 2-е, исправленное. Ц. 45 к., въ папкѣ 65 к., въ коленкор. перепл. съ золот. 1 р.— *Допущено Ученымъ Комит. Мин. Народн. Просв.* для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

Сборникъ игръ для дѣтей, съ рисунками. Сост. Игнатовичъ. Изданіе 2-е, дополненное. Ц. 1 р.

Святочные разсказы. И. Н. Познякова: I. Кичливая и счастливая, Ц. 10 к.; II. Безъ елки, Ц. 5 к. III. Мятель, Ц. 10 к.; IV. Святой Николай, Ц. 10 к.; V. Малышъ, Ц. 5 к.; VI. Изъ милаго далека, Ц. 20 к.; VII. Происшествіе. Ц. 10 к.

Святыя мѣста земли Русской. Соловецкій монастырь. *С. Максимова*. Съ рисунками. Изданіе 4-е. Ц. 10 к. *Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.* для ученическ. библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Семь новыхъ сказокъ. Сост. *А. Коваленская*. Съ отдѣльными картинами и друг. рисунками Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 25 к., въ красивой папкѣ 1 р. 40 к., въ переплетѣ съ золотомъ 1 р. 60 к.

Сказка о Муравьѣ-Богатырѣ. Разсказъ для дѣтей. *В. П. Авенаріуса*. Съ рис. Н. Каразина. Новое 3-е изд. Ц 50 к. *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина 7 том. Ц. 12 р.

Сочиненія Д. И. Стахѣева: 1). Домашній очагъ, романъ. Издан. 2-е. Ц. 1 р. 25 к. 2) Законный бракъ, романъ. Издан. 2-е. Ц. 80 к. 3) Походы на доходы, повѣсть. Издан. 2-е. Ц. 60 к.

Что окружаетъ насъ? Чтеніе для дѣтей средняго и старшаго возраста. Сост. *Ф. Резенеръ*, издан. 2-е, значительно дополнен., большой томъ убористой печати, 613 стр. Ц. 2 р., въ переплетѣ съ золот. 2 р. 75 к. Допущено *Ученымъ Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія* въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Школьный Шекспиръ. Біографія Шекспира. Гамлетъ, принцъ Датскій Критическія статьи Бѣлинскаго и Тургенева о Гамлетѣ. Съ портретомъ Шекспира и 9 другими рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 1 р., въ коленкор. перепл. съ золот. 1 р. 60 к.